

И.В. Тункина

**Б.В.ВАРНЕКЕ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ УЧЕНЫХ¹**

Мемуары профессора Бориса Васильевича Варнеке (1874–1944)², крупного ученого-латиниста, историка театра и театрального критика, переносят нас в мир дореволюционной гуманитарной науки эпохи расцвета отечественной историко-филологической школы в конце XIX — начале XX вв. Как мемуарист Б.В.Варнеке почти неизвестен современному читателю. Между тем он оставил воспоминания не только о

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 09-06-00103, Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-01-91113а/У, программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» и Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

² См. о нем: *Алексеев М.П.* Проф. Б.В.Варнеке: (К 35-летию его литературной и научной деятельности) // Силуэты (Одесса). 1924. № 5 (43). 3 дек. С. 6–7; *Лавров А.В.* Варнеке Борис Васильевич // РПБС. Т. 1. С. 390–391; Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь русских писателей XX века. 2-е изд. (репринт). М., 1992. Т. 1. С. 64–65; *Тункина И.В.* Новые материалы к биографии проф. Б.В.Варнеке // Древнее Причерноморье: III чтения памяти проф. П.О.Карышковского. Тез. докл. юбил. конф. 12–14 марта 1996 г. Одесса, 1996. С. 109–110; *Она же.* Борис Васильевич Варнеке: Страницы биографии // Античный мир. Проблемы истории и культуры: Сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д.Фролова / Под ред. И.Я.Фроянова. СПб., 1998. С. 441–452; *Немченко И.В.* Б.В.Варнеке // Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник: В 4 т. Вид. 2, доп. Одеса, 2005. Т. 2: А–І. С. 208–210; *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века / Сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. и биогр. словарь-указатель И.В.Тункиной. М., 2008. С. 7–8, 259–260, 274, 286, 294, 346, 435, 438, 440, 446, 527–528.

театральном и литературном мире³, но и о целой плеяде выдающихся русских ученых «золотого века» отечественной гуманистики. Среди его героев — русские и немецкие антиковеды конца XIX — начала XX в. (воспоминания «Старые филологи»), академик Н.П.Кондаков⁴, исследователь Крыма, военный инженер, ботаник, археолог, нумизмат, коллекционер древностей и книг А.Л.Бертье-Делагард.

Б.В.ВАРНЕКЕ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Долгие годы имя Б.В.Варнеке замалчивалось — в советской историко-филологической литературе ему не было посвящено ни одного некролога, так как в эпоху сталинизма он стал жертвой политических репрессий. В театральной энциклопедии Варнеке отведено всего шесть строк, да и то с неверной датой рождения — 1878 г.⁵ Точную дату смерти ученого мне удалось установить в 1993 г. благодаря документам, сохранившимся в Управлении службы безопасности Украины по Одесской области. Биография Варнеке реконструировалась буквально по крупицам — по сохранившимся архивным документам, оставленным им мемуарам и немногочисленным публикациям об ученом.

Биографическую хронику жизни Варнеке можно условно разделить на четыре периода: первый — его детство и отрочество — связан с Москвой (1874–1894); второй, охватывающий юность, годы студен-

³ Литературные и театральные воспоминания Б.В.Варнеке, написанные в конце 1920-х, большей частью не опубликованы, изданы лишь их отрывки. См.: *Лавров А.В., Тименчик Р.Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1981. Л., 1983. С. 71–76 (текст воспоминаний Б.В.Варнеке), 126–132 (комментарии). К сожалению, публикаторы издали текст Б.В.Варнеке с купюрами. По их признанию, были «опущены места, не имеющие прямого отношения к Анненскому, а также особенно пристрастные характеристики его личности, не подкрепленные убедительной фактической аргументацией» (с. 127).

⁴ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства, византинист, археолог, член-корреспондент (1892), ординарный академик сверх штата (1898), ординарный академик ПАН (1900); действительный член Академии художеств (1893).

Предварительное сообщение об этих воспоминаниях см.: *Тункина И.В.* Н.П.Кондаков по неизданным воспоминаниям Б.В.Варнеке. 1917–1920 гг. // Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925. Личность, научное наследие, архив: К 150-летию со дня рождения / Гос. Русский музей. [СПб.], 2001. С. 56–62. Эти мемуары впервые опубликованы: *Варнеке Б.В.* Материалы для биографии Н.П.Кондакова / Публ. И.В.Тункиной // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2002. Вып. 4. С. 72–152.

⁵ Театральная энциклопедия. М., 1961. Т. 1. Стлб. 834.

чества и начало профессиональной деятельности, — с Петербургом (1894–1904); третий — становление его как ученого и педагога — с Казанью (1904–1910); четвертый, охватывающий зрелость и старость и оказавшийся наиболее продолжительным и насыщенным социально-политическими потрясениями XX века, — с Одессой (1910–1944).

Как свидетельствует метрическая выписка, Б.В.Варнеке родился в Москве 3 июня 1874 г.⁶ в квартире некоей «бабки Варнеке», фамилию которой он как незаконнорожденный и унаследовал. В документах Б.В.Варнеке встречается расхождение в написании фамилии: Варнеке, Варнеке или Варнек. В метрической выписи от 15 сентября 1877 г. сказано: «Борис незаконнорожденный. Рожден июня третьего дня, крещен того же июня 6 дня, в доме г. Либерман, в квартире бабки Варнеке, — звание, имя, отчество и фамилия матери неизвестно. Восприемником был московский цеховой Василий Александров», почему младенец «православного вероисповедания» и был записан с отчеством Васильевич.

Московская казенная палата 5 августа 1898 г. на запрос директора Петербургского историко-филологического института К.В.Кедрова сообщила, что «фамилия Бориса Васильева, с которой он записан в Московском мещанском обществе, Варнек, а не Варнеке»⁷. В выписке из метрической книги Кирилло-Мефодиевской церкви города Казани о рождении и крещении старшего сына ученого — А.Б.Варнеке (р. 1904) — сказано, что восприемниками новорожденного стали «пруско-подданная девица Матильда Егоровна Варнеке», возможно, его тетка-акушерка, и «коллежский советник Сергей Прохорович Матросов», отец его будущей жены Е.С.Варнеке (урожд. Матросовой). В воспоминаниях самого Б.В.Варнеке недвусмысленно говорится о его немецких корнях⁸.

Детство мальчика прошло в Москве на Малой Ордынке в доме архитектора Гамбурцева, «в приходе той самой церкви Покрова в Голиках, на церковном дворе которого родился поэт Замоскворечья Островский. Мои товарищи и сверстники были дети мелких подрядчиков и приказчиков из Ножевой линии старых “рядов”, существовавших еще тогда во всем своем первобытном безобразии»⁹.

⁶ Ту же дату подтверждает его автобиография в материалах С.А.Венгерова в РО ИРЛИ РАН. См.: Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А.Венгерова: Аннотированный указатель. В 2 т. СПб., 2001. Т. 1: А–Л. С. 210. № 756.

⁷ См.: ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152 (дело о службе Бориса Васильевича Варнеке). Л. 24, 26.

⁸ Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 21. Л. 89.

⁹ Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

Детство мальчика было непростым, своего отца он потерял за несколько месяцев до рождения, «а матери — женщине в житейском отношении непрактичной, по характеру и образу жизни — богемной, ребенок был в тягость»¹⁰. Родители будущего латиниста, скорее всего, принадлежали к театральному миру Москвы, благодаря чему в его жизнь вмешался случай — знакомство с выдающимся мастером сцены Малого театра, основателем знаменитой актерской династии М.П.Садовским¹¹, которому Варнеке посвятил теплые воспоминания¹².

«М.П.Садовский — мой крестный отец, он поставил меня на ноги и без него я пропал бы в детстве», — писал Варнеке В.А.Филиппову¹³. «Толковых, опытных мужчин в нашей родне не было, и матери пришлось бы совсем плохо, если бы один из его приятелей, артист Михаил Провыч Садовский не стал помогать ей и советом, и хлопотами во всех затруднительных обстоятельствах. Вот почему в жизни моей семье этому совершенно постороннему человеку принадлежит такое видное место верного советника и мудрого руководителя. Весь ход моей жизни направлен его вмешательством <...> — вспоминал Борис Васильевич. — Он нередко заезжал к нам, при этом он сам замечал, что стоит ему войти в какой-нибудь дом, он прилипал там на несколько часов. Завернуть, как другие, минуты на 2, на 10 он не умел. Если мать была дома, он просил сварить ему кофе; приходил он без нее, сам шел в соседнюю овощную лавочку, и оттуда нес к нам пиво, каленые яйца и какую-нибудь другую такую же невзыскательную закуску и коротал за ними часа два-три. <...> Он часто повторял, что наша тихая и глухая Малая Ордынка мила и дорога ему потому, что на ней в доме дьякона нашей приходской церкви Покрова в Голиках родился и вырос его крестный отец, драматург Островский¹⁴»¹⁵.

Борис начал учиться во Второй московской четырехклассной прогимназии на Якиманке, где его первым преподавателем латинского

¹⁰ *Баканурский А.* Об авторе этой книги // *Варнеке Б.В.* История античного театра: Учеб. пособие. Одесса, 2003. С. 3.

¹¹ Садовский Михаил Провович (1847–1910), актер Малого театра в Москве (1870), представитель актерской династии, крестник драматурга А.Н.Островского.

¹² *Варнеке Б.В.* Актер-писатель М.П.Садовский. СПб., 1910 (Отд. оттиск из: Ежегодник Имп. театров. 1910. Вып. 4. С. 13–32); Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 13–14 («Из материалов о Мих. Пров. Садовском». Автограф, машиноп. копия. Б. д.).

¹³ Архив ГЦТМ. Ф. 458. Оп. 1. Д. 63 (почтовая открытка от 19 марта 1938 г. из Одессы в Москву).

¹⁴ *Варнеке Б.В.* Заметки об Островском. Одесса, 1912. (Отд. оттиск из: Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. 1913. Т. 22. С. 1–93).

¹⁵ Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

языка стал А.Н.Шварц¹⁶, увлекший мальчика древними языками. По циркуляру Министерства народного просвещения «о кухаркиных детях» от 18 июня 1887 г., ограничивавшему прием детей недворянского происхождения в гимназии и средние учебные заведения, Варнеке был отчислен из прогимназии, но мальчик с упорством продолжал заниматься самообразованием. За кулисами московской оперетты благодаря тому же М.П.Садовскому Варнеке посчастливилось познакомиться с профессором Московского университета, академиком Ф.Е.Коршем¹⁷, оказавшим на него определяющее влияние в выборе дальнейших занятий именно в области классической филологии и театроведения. Как он сам позднее признавался, «влияние этого замечательного человека толкнуло меня на дорогу классической филологии». По протекции Ф.Е.Корша Борис был определен на казенный счет в Первую московскую гимназию. «Вернувшись в гимназию, — вспоминал Варнеке, — я уже не мог выступать больше в спектаклях; да и по возрасту и фигуре я не годился на детские роли, а взрослый статист должен был обладать голосом значительно лучше моего. Но “оставшись за штатом” я продолжал каждый свободный вечер проводить за кулисами оперетки, где меня все знали и я всех знал»¹⁸.

Закончив гимназию в 1894 г., летом того же года Б.В.Варнеке впервые приехал в Петербург и поступил в Петербургский историко-филологический институт (ПИФИ) на казенный кошт (1894–1898), где учился по разряду древних языков главным образом под руководством Ф.Ф.Зелинского¹⁹. Об атмосфере, царившей в этом учебном заведении, свидетельствуют мемуары «Старые филологи», где приведены яркие характеристики известных антиковедов Ф.Ф.Соколова,

¹⁶ Шварц Александр Николаевич (1848–1915), филолог-классик, переводчик, доцент кафедры греческой словесности (1875–1885), секретарь ИФФ (1885–1887), экстраординарный профессор по кафедре теории и истории искусств (1884–1887), затем по кафедре классической филологии (1887–1890), ординарный профессор (1892–1900), заслуженный ординарный профессор ИФФ МУ (1900), попечитель ряда учебных округов (1900–1905); сенатор (1905), член Государственного совета (1907–1915), министр народного просвещения (1908–1910).

¹⁷ Корш Федор Евгеньевич (1843–1915), лингвист-полиглот, специалист по классическому, славянскому, сравнительному языкознанию и восточным языкам, переводчик, теоретик стихосложения, исследователь музыкальной ритмики, магистр (1868), доктор римской словесности (1877); член-корреспондент по разряду классической филологии и археологии (1893), ординарный академик по ОРЯС ПАН (1900).

¹⁸ Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

¹⁹ Зелинский Фаддей Францевич (Гадеуш-Стефан) (1859–1944), филолог-классик, историк античности, поэт-переводчик, интерпретатор и популяризатор античной культуры; доктор философии Лейпцигского университета

И.В.Помяловского, И.И.Холодняка, П.В.Никитина, Ф.Ф.Зелинского, Л.А.Мюллера, О.А.Шебора, А.И.Малеина, Н.Н.Томасова, Н.К.Гельвиха и других. На публичных защитах диссертаций антиковедов в Петербургском университете и на журфиксах по четвергам в доме у Зелинского Варнеке встречался с В.К.Ернштедтом, Н.И.Каревым, А.И.Введенским, С.Ф.Платоновым, В.В.Латышевым, А.В.Никитским, М.В.Крашенинниковым, С.А.Жебелёвым, М.И.Ростовцевым, И.М.Гревсом, П.П.Митрофановым и другими, был знаком с геологом, профессором Петербургского университета А.А.Иностранцевым. Еще со студенческой скамьи Варнеке принимал участие в заседаниях Общества классической филологии и педагогики, публиковал статьи в московском журнале «Филологическое обозрение», а после его закрытия в «Журнале Министерства народного просвещения», в «Гермесе» и многих других периодических изданиях, главным образом, посвященные толкованиям античных комиков, по истории античного и русского театра. Эти статьи обнаруживали в авторе «прекрасного знатока» не только античной литературной традиции, но и техники «современной сцены»²⁰.

С 1898 г. Варнеке преподавал историю античного театра и литературы в театральных школах — на драматических курсах Е.П.Рапофа, при Императорском театральном училище в Петербурге, читал курс выразительного чтения городским учителям Петербурга, а также состоял секретарем ряда комиссий Русского театрального общества. Одновременно он выступал как театральный критик в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (с 1894 г.), журналах «Театр и искусство» (1902–1903)²¹, «Ежегоднике государственных театров» и других. С целью написания рецензий он должен был посещать вечерние спектакли, что было трудно совместить с жестким режимом, установленным для воспитанников ПИФИ: «Студенты историко-филологического института, в который я тогда только что поступил, обязательно жили в нем, и основой всей воспитательной системы служило незыблемое требование, чтобы к 11 часам все были дома: ни одно преступление не каралось так тяжело, как малейшее опозда-

(1880), магистр (1883), доктор классической филологии (1886); член-корреспондент (1893), почетный член по разряду изящной словесности ПАН (1916), член-корреспондент Германского археологического института, иностранный член Британской АН (1923).

²⁰ Перечень трудов Б.В.Варнеке до 1902 г. опубликован в кн.: Памятная книжка Санкт-Петербургского историко-филологического института. 1867–1902. СПб., 1902.

²¹ Этому периоду его жизни посвящены неизданные воспоминания: Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 126 («Редакция “Театр и искусство” и А.Р.Кугель». Записки. Автограф. Лето 1924 г. 46 л.).

ние после этого срока: между тем оперетки оканчивались в лучшем случае в половину двенадцатого и нужно было еще добрых полчаса, пока я с Фонтанки доберусь до (Васильевского. — *И.Т.*) Острова. <...> Я действительно все 4 года своего студенчества писал рецензии по двум актам и никогда не видал конца пьес и апофеоза»²².

По окончании ПИФИ определением Конференции института, утвержденным министром народного просвещения, Б.В.Варнеке было «предоставлено звание учителя гимназии, дающее все права кандидатов университетов», о чем свидетельствовал аттестат от 12 июня 1898 г. за № 22. Предложением министерства народного просвещения 23 июня он был «оставлен при институте для приготовления к магистерскому экзамену по латинскому языку и словесности»²³.

За бесплатное обучение в вузе Варнеке обязывался прослужить в ведомстве Министерства народного просвещения не менее 6 лет по назначению министра. Привожу сухие записи из его формулярного списка.

Предложением попечителя Петербургского учебного округа молодой педагог с 7 января 1899 г. был назначен сначала сверхштатным, а с 7 октября 1900 г. штатным преподавателем древних языков в Пятую петербургскую гимназию. Варнеке нуждался в заработке; с разрешения Управляющего МНП он был назначен с 1 августа 1900 г. «помощником классных наставников при 5-й петербургской гимназии из платы по найму», с 30 июля 1901 г. «допущен к преподаванию французского языка в 1 и 3 классах временно, с обязательством в течение года приобрести свидетельство на звание учителя французского языка», а с 13 ноября 1901 г. — «к преподаванию немецкого языка в 5 классе»²⁴.

Распоряжением попечителя Петербургского учебного округа с 14 января 1902 г. Варнеке был определен сверхштатным преподавателем древних языков в Императорскую Николаевскую гимназию в Царском Селе во время директорства Иннокентия Анненского (последний посвятил Варнеке трагедию «Меланиппа-философ»). В этой гимназии Б.В.Варнеке прослужил до 1904 г.

После сдачи магистерского экзамена и прочтения двух пробных лекций 28 марта 1901 г. Варнеке начал преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента по римской словесности на кафедре классической филологии в Петербургском университете, куда был зачислен с 1 июля 1901 г. Его курсы лекций и практические за-

²² Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2.

²³ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152. Л. 6 об. Согласно формулярному списку, ему присвоены чины: коллежский ассессор со старшинством (7 января 1899 г.), статский советник со старшинством (20 марта 1906 г.).

²⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152. Л. 7 об.–8.

нения были посвящены, главным образом, толкованию произведений Теренция, Марциала и других римских поэтов. Известно, что его слушателем был А.А.Блок. В столичном университете 11 мая 1903 г. Б.В.Варнеке защитил магистерскую диссертацию по римской словесности «Очерки по истории древнеримского театра» (степень утверждена Советом Петербургского университета 27 мая 1903 г.)²⁵. Свою диссертацию в переработанном виде он частями издавал в виде статей на немецком языке²⁶.

Летом 1904 г. Варнеке впервые был командирован Министерством народного просвещения за границу с научными целями. С тех пор начались его ежегодные поездки в Германию и Австрию, продолжавшиеся вплоть до начала Первой Мировой войны. В Гёттингене Варнеке слушал лекции и занимался в семинарах Т.Лео, Эд.Шварца, Я.Вакернагеля, К.Дильтея и работал над книгой «Наблюдения над древнеримской комедией: к истории типов» (Казань, 1905). С годами связи Варнеке с немецкими и австрийскими антиковедами лишь крепки — он стал редактором и автором статей по вопросам античного театра в антиковедческой «Реальной энциклопедии» Паули–Виссовы–Кроля.

Своевременной защите докторской диссертации помешали события революции 1905 г. в Москве: «Первоначально диспут был назначен на декабрь 1905 г., — вспоминал Б.В.Варнеке. — Но в Казани на вокзале сперва мне просто не хотели дать билета, а когда я, придя в отчаяние, показал казенную бумагу московского ректора, начальник станции втащил меня в контору и шепотом сказал, что вся Москва под огнем восстания. Отложили диспут на февраль...»²⁷. 28 февраля 1906 г. Варнеке защитил в Московском университете докторскую диссертацию «Наблюдения над древнеримской комедией: к истории типов» и 17 марта того же года был утвержден в степени доктора римской словесности²⁸. В устных отзывах оппонентов и в печатных

²⁵ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152. Л. 8–9 (диплом магистра римской словесности от 20 ноября 1903 г. № 2244). См.: *Варнеке Б.В.* Очерки из истории древнеримского театра. СПб., 1903. VII, 235 с. (ЗИФФПУ; ч. 69 — магистерская диссертация).

²⁶ *Warnecke B.* Gebärdenspiel und Mimik der römischen Schauspiele // *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Litteratur und für Pädagogik.* 1910. Bd 25. Hf. 8. S. 580–594; *Idem.* Die bürgerliche Stellung der Schauspieler im alten Rom // *Ibid.* 1914. Bd 33. Hf. 2. S. 91–109.

²⁷ Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

²⁸ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152. Л. 9 об.–11 (диплом доктора римской словесности от 21 марта 1906 г. № 381). См.: *Варнеке Б.В.* Наблюдения над древнеримской комедией: к истории типов. Казань, 1905. V. 318 с., [2] (первоначально опубл.: УЗКУ. 1905. № 9. Отд. наук. С. 1–176; № 10. С. 177–320 — докторская диссертация).

рецензиях на обе работы подчеркивались глубина научной мысли и необыкновенная добросовестность исследований диссертанта²⁹.

21 августа 1904 г. «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству» Б.В.Варнеке был назначен исполняющим должность экстраординарного профессора Казанского университета, а 14 апреля — членом Историко-филологической испытательной комиссии при университете. С 20 марта 1906 г. он уже ординарный профессор по кафедре классической филологии, с 24 сентября 1905 г. — секретарь историко-филологического факультета Казанского университета (уволен по прошению 12 февраля 1907 г.).

В Казани Борис Васильевич читал следующие курсы: в 1906–1907 учебном году — «Asinaria» Плавта, «Ипполит» Эврипида; латинский синтаксис; в 1907–1908 г. — «Героиды» Овидия, «De conseritenda historia» Лукиана; история римской религии; в 1908–1909 г. — Сатиры Горация, «Поэтика» Аристотеля; римская эпитафия; одновременно, по вакантной кафедре русской словесности — история русского театра; в 1909–1910 г. — письма Цицерона, «Облака» Аристофана; римская историография³⁰.

Летом 1909 г., с 1 июня по 1 сентября, Варнеке изучал античное искусство в музеях Берлина и Дрездена для подготовки исследования по истории античного театра, слушал лекции Т.Шрейбера, Э.Бете, Ф.Студнички в Лейпциге и посещал археологический семинар при университете.

6 февраля 1910 г. по представлению профессора Э.Р. фон Штерна³¹, благодаря благожелательным рекомендациям Ю.А.Кулаковского³²

²⁹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152. Л. 40.

³⁰ См.: ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152. Л. 39.

³¹ Штерн (Stern) Эрнст Романович (Эрнст Валльфрид) фон (1859–1924), филолог-классик, историк античности, археолог, эпитаграфист, создатель школы археологов в Одессе; магистр (1883), доктор (1884) классической филологии; действительный (1891) и почетный член, председатель Совета (1899–1910), директор и главный хранитель музея ООИД (1896–1910), сверхштатный член Имп. Археологической комиссии (1909); приват-доцент (1884–1886), экстраординарный (1886–1888), ординарный (1888–1909), заслуженный (1909–1911) профессор кафедры классической филологии, декан ИФФ (1888–1894, 1905–1909) НУ, ректор ВЖК в Одессе. После переезда в Германию — ординарный профессор кафедры древней истории (1911–1924), декан философского факультета, ректор (1921–1922, 1923–1924) университета в Галле (Германия). См.: ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1757. 78 л. (дело о службе Э.Р. фон Штерна).

³² Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919), историк, специалист по античной и византийской истории Северного Причерноморья, Древнего Рима и Византии; магистр (1883), доктор римской словесности (1888); член-корреспондент ПАН (1906); член-корреспондент (1894), сверхштатный член (1911) Имп. Археологической комиссии, профессор греческой

и Ф.Ф.Зелинского, Советом историко-филологического факультета закрытой баллотировкой десятью голосами Варнеке единогласно был избран ординарным профессором Новороссийского университета по кафедре классической филологии на вакансию, освободившуюся после ухода в 1909 г. заслуженного ординарного профессора И.И.Луньяка³³. Познакомившись с учеными трудами Б.В.Варнеке, Э.Р. фон Штерн оценил его как «крупную научную силу и дельного» ученого, отметив, что работы молодого профессора «доказывают выдающуюся работоспособность». Э.Р. фон Штерн писал, что большинство из исследований Варнеке «касается вопросов специальной области... т.е. античного театра и античной драмы, но есть между ними и статьи, которые касаются критики текста, вопросов грамматики, античного искусства, что указывает на разносторонность интересов и занятий Бориса Васильевича». И далее: «Отмечу еще, что ряд работ Б.В. написан на латинском языке, чем доказывается не только теоретическое, но и практическое знание того предмета, который придется Борису Васильевичу преподавать на первом месте»³⁴.

Именно с Одессой связана дальнейшая судьба ученого. 26 апреля 1910 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству Варнеке был назначен ординарным профессором по кафедре классической филологии Новороссийского университета, а два года спустя — председателем педагогического совета Одесской женской гимназии С.А.Верцинской (на этой должности он состоял с 6 сентября 1912 г. по 22 апреля 1917 г.). Одновременно он преподавал в частной театральной школе О.В.Рахмановой.

С 28 по 31 декабря 1911 г. Варнеке был командирован в Петербург на Съезд преподавателей древних языков в качестве почетного члена. С 7 по 16 апреля 1912 г. он принимал участие в XVI Международном конгрессе ориенталистов в Афинах, в мае того же года был командирован «с ученой целью внутри империи». В марте 1913 г. ученый вновь командирован за границу во время летних каникул. Летом 1914 г. ему была разрешена поездка в летнее вакационное время в Малую Азию и Константинополь «для изучения остатков древнегреческих театров Милета, Приены и Эфеса»³⁵. Согласно воспоминаниям Варнеке, в тот

истории ВЖК в Киеве (с 1884). О нем см.: *Пучков А.А.* Юлиан Кулаковский и его время: из истории антиковедения и византистики в России. 2-е изд., перераб., испр. и доп. СПб., 2004.

³³ См.: ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152. Л. 38–40 об. (представление декана историко-филологического факультета Новороссийского университета А.А.Павловского на имя ректора и отзыв о научных трудах Б.В.Варнеке, подписанный заслуженным ординарным профессором Э.Р. фон Штерном, 14 января 1910 г.).

³⁴ ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152. Л. 40–40 об.

³⁵ ГАОО. Ф. 45. Оп. 9. Д. 26. Ч. 2. Л. 7.

год он посетил и Кёнигсбергский университет. Наконец, 1 июня 1916 г. Борис Васильевич был «командирован с ученой целью в Москву на летнее каникулярное время»³⁶. Высокий авторитет Варнеке в европейских научных кругах был подтвержден его избранием в члены-корреспонденты Германского археологического института³⁷.

Варнеке был активным действительным членом и членом Совета Одесского общества истории и древностей (ООИД), заведующим археологическим музеем ООИД (1913–1919), членом Правления Историко-филологического общества при Новороссийском университете³⁸.

Главными трудами Б.В.Варнеке стали книги, так или иначе связанные с историей театрального искусства: «Очерки из истории древнеримского театра» (СПб., 1903), «Новые комедии Менандра» (Казань, 1909), «Античный театр» (Харьков, 1929), «История античного театра» (М.; Л., 1940; 2-е изд.: Одесса, 2003). Жене, Елене Сергеевне³⁹, посвящена «История русского театра» — первый в русской науке систематический обзор истории отечественного театра на всем протяжении его существования, от народных истоков русского театра вплоть до начала XX в. (вышла тремя изданиями в 1908–1910, 1913 и 1939⁴⁰).

О негативной реакции Б.В.Варнеке на общественные потрясения, связанные с Февральской и Октябрьской революциями 1917 года, разразившейся Гражданской войной и иностранной военной интервенцией, можно судить по его воспоминаниям. Судя по показаниям арестованного в начале 1930-х гг. директора Одесского историко-археологического музея М.Ф.Болтенко, до революции Варнеке был пра-

³⁶ См.: ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1152. Л. 11 об.–14 об.

³⁷ Формулярный список о службе Б.В.Варнеке вплоть до апреля 1917 г.; см.: Там же. Оп. 4. Д. 1152. Л. 6–14 об. К 1917 г. у Варнеке были следующие правительственные награды Российской империи: 1 января 1907 г. — орден Св. Станислава 2-й степени, 1 января 1910 г. — орден св. Анны 2-й степени, 1 января 1913 г. — орден Св. Владимира 4-й степени, 3 сентября 1913 г. — медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых. В Новороссийском университете профессор получал 3000 руб. жалования, 750 руб. столовых, 750 руб. квартирных, прибавку 1500 руб., всего 6000 руб. в год (в Казани на июль 1910 г. — 2400 руб. жалования, 300 руб. столовых, 300 руб. квартирных, всего 3000 руб. в год).

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 3. Д. 216. Л. 125–130, 143–146.

³⁹ Варнеке (урожд. Матросова) Елена Сергеевна, дочь коллежского советника, из театральной семьи, актриса, жена Б.В.Варнеке, преподаватель художественного чтения в Одесском доме ученых (1925–1935?).

⁴⁰ См.: *Варнеке Б.В.* История русского театра. В 2 ч. Казань, 1908–1910. Ч. 1: XVII–XVIII вв. Ч. 2: XIX в. Лучшим из них считается второе, дополненное издание (СПб., 1913). Третье, сильно сокращенное издание вышло уже в советское время под названием «История русского театра XVII–XIX вв.» (М.; Л., 1939).

вым октябристом⁴¹. Видимо, не случайным было его сотрудничество в официозной газете Добровольческой армии «Южное слово», где он вел отделом театральной и городской хроники. Но несмотря на имеющуюся возможность эмигрировать, Б.В.Варнеке не покинул родину.

В советское время Варнеке продолжил преподавательскую деятельность в высших учебных заведениях Одессы, тяжело переживая ломку старой высшей школы, закрытие научных обществ, прекращение книгообмена, отсутствие возможностей публиковать свои исследования, а также разрыв полноценных научных контактов с западноевропейскими коллегами. С окончательным утверждением власти большевиков университеты на Украине были признаны «консервативной формой подготовки специалистов». В 1920 г. Новороссийский университет был ликвидирован, а на его базе создана сеть специализированных вузов, переводивших преподавание на марксистские рельсы⁴². В поисках куска хлеба Варнеке преподавал в Гуманитарно-общественном институте, переименованном в Институт народного образования (1920–1930), Одесском археологическом институте (1921–1922); был профессором и ректором (с 1921) Института изобразительных искусств, где читал курс эстетики, профессором в Одесском государственно-музыкальном-драматическом институте им. Л.Бетховена (бывшей консерватории), Педагогическом институте (с 1936 г. заведовал кафедрой мировой литературы литературного факультета), а с 1933 г. продолжил педагогическую деятельность в восстановленном Одесском университете⁴³.

И в Казани, и в Одессе Б.В.Варнеке не прерывал связей с академическими кругами обеих столиц. В Архиве РАН в Санкт-Петербурге сохранились его письма научного и научно-организационного характера к академикам П.В.Никитину⁴⁴, А.А.Шахматову⁴⁵, В.В.Латышеву⁴⁶, Ф.И.Успенскому⁴⁷, В.П.Бузескулу⁴⁸, члену-корреспонденту В.Н.Бенешевичу, зятю его научного руководителя Ф.Ф.Зе-

⁴¹ Смирнов В.А. Реквием XX века. Одесса, 2007. Ч. 4. С. 63.

⁴² См.: Одесский университет. 1865–1990 / Отв. ред. И.П.Зелинский. Одесса, 1991. С. 54.

⁴³ Сохранились заполненные Б.В.Варнеке анкеты для Комиссии по изданию справочника «Наука и ее работники в пределах СССР» АН СССР от 4 мая и 20 ноября 1926 г., с указанием домашнего адреса: Одесса, ул. Подбельского (бывшая Коблевская), д. 19, кв. 27. См.: СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 109. Л. 82–83.

⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 8.

⁴⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 230 (за 1906–1908 гг.).

⁴⁶ СПФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 9 (за 1915–1916 гг.).

⁴⁷ СПФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 59 (за 1908, 1912, 1923, 1926 гг.).

⁴⁸ СПФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 20 (за 1909, 1912, 1913 гг.).

линского⁴⁹. Одесский ученик Варнеке М.П.Алексеев⁵⁰, с 1933 г. работавший в «цитадели русской культуры» — Институте русской литературы (Пушкинском доме) АН СССР, поддерживал тесные контакты со старшим коллегой и привлек Бориса Васильевича и его сына Александра к работе в Пушкинской комиссии в Одессе⁵¹.

Об отсутствии условий в Одессе для продолжения научной работы в области классической филологии Б.В.Варнеке сетовал в письмах к академику Ф.И.Успенскому, с которым был лично знаком, вероятно, с 1908 г. Вернувшись из Харькова, где он часто виделся с академиком Бузескулом, Варнеке решил 1 июня 1923 г. написать в Петроград Успенскому, тогда, наряду с Е.В.Тарле, соредактору журнала всеобщей истории «Анналы» (1922–1924), помянув о судьбе ряда общих одесских знакомых. Он, в частности, писал:

«Недавно дошел до нас том изданий Академии, и я имел радость в “Известиях” прочесть Ваши работы. Душевно за Вас порадовался, что условия и здоровье позволяют Вам научно работать, что является главной ценностью нашей жизни. Мы в Одессе в этом отношении совсем плохо поставлены: нет книг ни зарубежных, ни русских, и негде печатать. Я по старой привычке все пишу, но нет надежды увидеть в печати. От Бузескула я узнал, что Вы стоите во главе “Аннал”, первую книжку которых я у него же и видел. У меня есть статейка, странички на 3 печатных, о Геродотовых скифах с историко-литературной точки зрения. Не разрешите ли ее прислать для Аннал? Это было бы для меня большой радостью⁵²».

Доходят до нас порой слухи из-за рубежа. Хорошо устроился, по-видимому, только Михаил Георгиевич (Попруженко.⁵³ — И.Т.) в

⁴⁹ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 15.

⁵⁰ Алексеев Михаил Павлович (1896–1981), литературовед, специалист по истории русской и европейских литератур; доктор филологических наук (1937); член-корреспондент (1946), академик АН СССР (1958), декан филологического факультета ЛГУ (1945–1947, 1950–1953), директор НИИ филологии при ЛГУ (1949). См.: Михаил Павлович Алексеев. М., 1972.

⁵¹ Смирнов В.А. Указ. соч. Ч. 3. С. 216.

⁵² Статья в «Анналах» не была опубликована из-за закрытия журнала и вышла в Киеве в украинском переводе. См.: Варнеке Б.В. Легенды про походження скитів // Ювілейний збірник на поману академіка М.С.Грушевського. Київ, 1928. Т. 1.

⁵³ Попруженко Михаил Георгиевич (1866–1944), филолог-славист, историк, специалист по истории и филологии южных славян; магистр (1894), доктор славянской филологии (1899); действительный член (1889) и секретарь (с 1909) ООИД; действительный член Болгарского археологического института в Софии (1928); член-корреспондент (1923), академик (1941) Болгарской АН. В 1919 эмигрировал в Болгарию, профессор истории русской литературы (1920–1941), почетный доктор (1939) Софийского университета.

духовных учебных заведениях Софии. Он там деканствует и очень много печатает, материально обеспечен, но томится от тоски по родине. При нем, но на очень скромном амплуа, А.П.Доброклонский⁵⁴. Про мучительную смерть Н.Н.Ланге⁵⁵ Вы, конечно, знаете. Он долго умирал, впал перед смертью в мистицизм и антисемитизм, но похоронен был “по-граждански”. Судьба не дала ему “безболезненной и непостыдной” кончины. Окунев⁵⁶ бедует. Его жена с детьми одно время нищенствовала в Одессе⁵⁷. Как ни тяжело это время для нас, но особенно тяжело оно для наших жен. Мне страшно подумать, что и физически, и нравственно выносит моя жена»⁵⁸.

Ф.И.Успенский, озабоченный судьбой библиотеки, архива и музейных коллекций Русского археологического института в Константинополе (РАИК), эвакуированных из Стамбула в Одессу в начале Первой мировой войны, в своих посланиях Варнеке интересовался их сохранностью. В письме 1923 г. без даты Борис Васильевич сообщал:

«Пользуюсь переездом в Петербург своего ученика И.М.Троцкого⁵⁹ (не псевдоним), чтобы приветствовать Вас и Надежду Эрас-

⁵⁴ Доброклонский Александр Павлович (1856–1937), историк церкви; магистр богословия (1880), доктор церковной истории (1914). Выпускник МДА (1880), исполняющий должность экстраординарного профессора (1899–1907), ординарный (1907–1917), заслуженный ординарный профессор по кафедре церковной истории (1917–1920), заслуженный ординарный (1917–1920) профессор по кафедре церковной истории, секретарь (1903–1905) и декан (1910, 1912–1919) ИФФ, ректор (1917) НУ. В 1920 г. эмигрировал в Сербию; председатель Русского научного института в Белграде (1936–1937).

⁵⁵ Ланге Николай Николаевич (1858–1921), психолог, философ-неокантианец; магистр (1888), доктор философии (1894). Выпускник ИФФ ПУ (1882). Приват-доцент (1888–1896), ординарный (1896–1913), заслуженный ординарный профессор кафедры истории философии ИФФ НУ (1913–1920), основатель (1905) и первый директор ВЖК в Одессе (1908). Впервые перевел на русский язык «Первую аналитику» Аристотеля (СПб., 1894).

⁵⁶ Окунев Николай Львович (1886–1949), историк искусства, византист, славяновед. Выпускник ИФФ ПУ (1909). Ученый секретарь РАИК (1912–1914), приват-доцент ИФФ ПУ (1916–1917), профессор по кафедре теории и истории искусств ИФФ НУ (1918–1919), председатель Совета Общества изящных искусств в Одессе, профессор археологии философского факультета университета в Скопье (Югославия, 1920); с 1925 г. профессор философского факультета Карлова университета, заведующий Архивом и Галереей славянского искусства при Славянском институте (1932–1949), почетный член Археологического института им. Н.П.Кондакова (1931).

⁵⁷ Имеются в виду жена Н.Л.Окунева и ее дети: М.Н.Окунев, И.Н.Расовская-Окунева, сумевшие эмигрировать лишь в 1924 г.

⁵⁸ СПФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 59. Л. 7–7 об.

⁵⁹ Тронский (настоящая фамилия Троцкий, изменена в 1938 г.) Иосиф Моисеевич (1897–1970), филолог-классик, историк античной литературы;

товну⁶⁰. Он усердный и недурной эллинист и, быть может, Вы разрешите ему участие в той Societas Graeca⁶¹, про которую Вы писали? Пользуюсь Вашим разрешением, посылаю для Аннал прилагаемый пустяк. Правда, он посвящен скифам и уже эта тема помимо недостатков выполнения, кладет пятно на работу в глазах современного читателя. Поэтому, если нельзя будет ее напечатать, бросьте ее в корзину со спокойным сердцем, если же она увидит свет, прикажите выслать книжку. <...>.

Научная жизнь у нас, как и во всей Украине, умирает. Закрыто общество истории и древностей. В музее новые люди. Вместо общества (ООИД. — И.Т.) предложено учредить “филию” Киевской академии по краеведству, но едва ли филия эта пойдет дальше штампа и печати⁶². Библиотеку того общества (Историко-филологического общества при Новороссийском университете. — И.Т.), в которой стояли чемоданы Археологического института (РАИК. — И.Т.) и Вы работали с покойным Панченко⁶³, новый ректор ИНО⁶⁴ повелел продать на пуды. И все в таком стиле. Вот почему хочется хоть через такую пустяк, как посылаемая Вам статейка, приобщить себя к науке»⁶⁵. В письме от 25 января 1926 г. Варнеке поясняет: «Архив института в главнейших частях своих цел. В 1922 г. был приказ вскрыть все хранилища. Он распространился и на Ваши 2 кофра. Старые шляпы про-

доктор филологических наук (1943). Выпускник классического отделения ИФФ НУ (1919), ученик Б.В.Варнеке. Преподаватель классических языков в ОИНО (1921–1923) и Археологическом институте Одессы (1921–1922); помощник библиотекаря, библиотекарь, главный библиотекарь, библиотекарь-консультант ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Петрограде (1924–1940, 1945–1946); доцент ямфака ЛГУ (1926–1929); доцент (1932–1943), профессор (1943–1957) кафедры классической филологии ФФ ЛГУ. Старший научный сотрудник ИЯМ (1946–1950), старший научный сотрудник сектора индоевропейских языков ИЯ АН СССР (1950–1970).

⁶⁰ Успенская (урожд. Вашенко) Надежда Эрастовна (1862–1942), жена византиниста, академика Ф.И.Успенского. В 1919–1930 гг. регистратор, заведующая складом древностей РАИМК-ГАИМК. См.: РА ИИМК. Ф. 312. Оп. 3. Д. 221; СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 21.

⁶¹ Греческом обществе (*лат.*).

⁶² Речь идет об Одесской комиссии краеведения при ВУАН (1923–1930).

⁶³ Панченко Борис Амфианович (1872–1920), историк-византист. Окончил ИФФ ПУ (1894), ученик В.Г.Васильевского, оставлен для подготовки к профессорскому званию, командирован МНП с научными целями за границу как профессорский стипендиат (1898–1900); слушал лекции в университетах Европы. Первоначально занимался в РАИК как внештатный сотрудник, с 1901 г. исполнял обязанности ученого секретаря; ученый секретарь РАИК (1904–1914, фактически оставался им до своей смерти).

⁶⁴ ИНО — Институт народного образования.

⁶⁵ СПФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 59. Л. 4–5 об.

дали с торгов, а бумаги и книги передали на особое хранение в отдел редких книг Главной библиотеки. Но теперь по новому закону все архивы, в том числе и институтский, должны быть переданы в Главвархив. Поэтому пришлите на имя директора Библиотеки высшей школы (ул. Троицкого, 24) Сергея Леонидовича Рубинштейна⁶⁶ официальную бумагу, которой Академия или ее орган уполномочивал бы меня изготовить опись бумаг и вещей института. Я с удовольствием это сделаю...»⁶⁷.

Находясь в Одессе, Б.В.Варнеке в 1926 г. помог обеспечить вывоз в Ленинград, в Византийскую комиссию АН СССР, материалов РАИК, оказавшихся в Одессе.

Варнеке с грустью писал Успенскому 14 ноября 1925 г. об условиях своей научной работы: «Вы спрашиваете, как мне живется? Как может жить теперь классик, предмет которого упразднен на всем пространстве Украины. Приходится “промышлять” разными отхожими промыслами. Но самое грустное и тяжелое это невозможность печатать, а работать для пополнения конторки — нет охоты и смысла. Вот почему я так обрадовался возобновлению “Византийского временника”. Послал туда эту заметку потому, что и Хорикия, и Либания обычно относят к византийцам. Но если и Вам кажется она чересчур “классической”, и Вы найдете возможным передать ее в другой орган, буду одинаково благодарен⁶⁸. Поэтому всецело поручаю ее судьбу Вашему усмотрению»⁶⁹.

Б.В.Варнеке сотрудничал с Русско-византийской историко-словарной комиссией АН СССР в 1925–1928 гг. вплоть до смерти ее председателя академика Успенского, и в те годы стал организатором работы одесской группы комиссии⁷⁰. 4 марта 1925 г. Бюро комиссии

⁶⁶ Рубинштейн Сергей Леонидович (1889–1960), психолог; член-корреспондент АН СССР (1943), академик АПН СССР (1945), лауреат Государственной премии СССР (1942); доктор философии, профессор кафедры философии и педагогики ОИНО (1921–1922), директор Центральной научной библиотеки (1922–1930), член Президиума Библиографической комиссии при ВУАН (1927). В 1930 переехал в Ленинград, заведующий кафедрой психологии ЛГПИ (1930–1942); в 1942 — в Москву; директор Института психологии, организатор и заведующий кафедрой психологии МГУ (с 1943 г. отделение психологии философского факультета) и Сектора психологии Института философии АН СССР (1945).

⁶⁷ СПФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 59. Л. 9–9 об.

⁶⁸ Возможно, речь идет о статье: *Варнеке Б.В.* Из истории византийской драмы // ДАН. Сер. В. 1926. С. 49–51.

⁶⁹ СПФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 59. Л. 8–8 об.

⁷⁰ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1923). Д. 172. § 252; Ф. 126. Оп. 3. Д. 9/5 (письма к Ф.И.Успенскому и В.Н.Бенешевичу, записки с поручениями Варнеке по работе в комиссии).

постановило «поручить профессору Б.Варнеке (Одесса) обследование сочинений Бруна, Мурзакевича и Юргевича для извлечения из них пригодного для греческого глоссария Дюканжа⁷¹ материала»⁷². Однако в то время византийские исследования воспринимались как несвоевременные, поэтому усилия Варнеке организовать работу среди одесситов успеха не принесли. «...Мрачно смотрю на одесские вклады в Дюканжа: или здесь не тем люди заняты, или я не умею наладить такую работу. Один из самых козырных моих сотрудников прямо сказал, что “это слишком скучно”, а я возразить ему не сумел», — писал Б.В.Варнеке В.Н.Бенешевичу 15 августа 1926 г.⁷³

В год «великого перелома» в частных письмах академиков кандидатура Б.В.Варнеке обсуждалась при выдвижении в действительные члены Всеукраинской Академии наук. Так, харьковский профессор, академик АН СССР и ВУАН В.П.Бузескул писал своему коллеге академику АН СССР С.А.Жебелёву в Ленинград 28 апреля 1929 г.: «Получил от Г.Ф.Церетели его “Мимиамбы Герода”. Мне приходит в голову предложить в Украинскую Академию, в числе новых членов, его и Б.В.Варнеке. Да не знаю, что из этого может выйти! Ведь здесь “классическая филология”, даже в широком смысле слова, находит-

⁷¹ Речь идет о готовившемся в 1910–1920-х гг. международном византиноведческом проекте — переиздании по инициативе Международного союза академий исторического глоссария Graecitatis средневекового греческого («среднегреческого») языка Ш.Дюканжа. В работе приняла участие Российская Академия наук, где в 1923 г. при Отделении историко-филологических наук была создана особая «Комиссия по переизданию словаря Дюканжа» с участием фактически всех видных филологов-классиков и византинистов (около 40 ученых). В 1923 г. Комиссия Дюканжа была слита с созданной в 1918 г. комиссией «Константин Порфирородный». С тех пор объединенная комиссия получила название Русско-византийская историко-словарная комиссия (с 1925 г. — Византийская комиссия) АН СССР. Работы не были закончены, так как в 1930 г. комиссию ликвидировали. Ее материалы хранятся в СПФ АРАН (Ф. 126. Оп. 1–3). Подробнее см.: *Бенешевич В.Н.* Русско-византийская историко-словарная комиссия в 1926–1927 гг. // ВВ. 1928. Т. 25. С. 165–171; *Басаргина Е.Ю.* О планах переиздания словаря среднегреческого языка Ш.Дюканжа в России // XVIII Международный конгресс византинистов: Резюме сообщений. М., 1991. Т. 1. С. 111–112; *Барынина О.А.* Русско-византийская историко-словарная комиссия: Историческая лексикография в отечественном византиноведении 1920-х гг. // ВВ. 2004. Т. 63. С. 195–205; *Она же.* Академические комиссии как форма организации гуманитарной науки в 1920-е годы (К истории деятельности Русско-византийской историко-словарной комиссии) // Клио. 2004. № 3 (26). С. 124–128.

⁷² СПФ АРАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 2. Л. 2об.

⁷³ СПФ АРАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 9/5 (1925). Л. 3–3об.

ся еще в меньшем фаворе, нежели на севере». И в другом письме от 8 мая 1929 г.: «Здесь уже много толкуют о предстоящих выборах в Украинскую Академию и о кандидатурах. Хотелось бы предложить Г.Ф.Церетели и Б.В.Варнеке, как единственного латиниста на Украине. Но, пожалуй, не решусь: так ставится вопрос о кандидатах, такие лица предлагаются, что лучше в это дело не соваться. То, что было на севере, ничто по сравнению с тем, *кого* предлагают здесь»⁷⁴. Но избрание одесского профессора в Академию как представителя науки «старой школы» в условиях насильственной советизации было невозможно, прежде всего, по политическим мотивам, так как он мог бы стать конкурентом ученым-марксистам.

Мрачные прогнозы о будущем России вложены в уста героев воспоминаний Б.В.Варнеке — очевидно, эти высказывания в определенной мере отражали консервативные политические взгляды самого Бориса Васильевича. В годы Гражданской войны академик Н.П.Кондаков пророчествовал: «Россия в лучшем случае станет свалочным местом для западной дряни, как сто лет тому назад им была Америка. Вот и теперь России предстоит стать Америкой № 2, — заявил Никодим Павлович, — и русским придется работать на нового барина под его кнутом. Повторится татарское иго с Запада»⁷⁵.

Еще в годы первой русской революции 1905–1907 гг. М.П.Садовский предрекал Б.В.Варнеке: «Ощущение такое, будто все летит к черту. Я то едва ли доживу, но ты и мои дети будете еще свидетелями этого краха, и виню я за это и наше идиотское правительство, и нашу интеллигенцию. Всю революцию... сделало само правительство.... Казенные мудрецы все твердили, что наша страна не Запад и у нас рабочего вопроса нет и быть не может. Этими глупостями себя утешали, пока даже слепые не увидели всю ложь таких убаюкиваний. Тогда занялись рабочим вопросом, но так, что лучше бы этого не делали. <...> Я понимаю крайне правых: они боятся потерять то, чем до сих пор владеют; еще больше понимаю революционеров вплоть до Каляева — они жертвуют жизнью, веря, что этим народу дают рай. Но как умный и порядочный человек может быть кадетом, это выше моего ума. Это или махровая глупость, или гнусное желание не отстать от моды и без всякого риска получить при будущем правительстве теплое местечко... <...> Вот раздумаешься про это все, и пропадает всякая охота работать среди такого общества. Ему все равно не сдобровать... Мне жаловаться не приходится. Я застал таких людей, как Островский; и как актер, и как писатель мог кой-чем

⁷⁴ СПФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 165. Л. 25 об. — 26, 27 об.

⁷⁵ *Варнеке Б.В.* Материалы для биографии Н.П.Кондакова / Публ. И.В.Тункиной // Диаспора. 2002. Т. 4. С. 112.

себя появиться, так чего же мне остатки дней портить, приспособляясь ко вкусам и требованиям всякой слякоти? Надо доживать в покое, на свой собственный вкус»⁷⁶.

Б.В.Варнеке последовал советам своего крестного отца: в 1920-х — начале 1930-х гг., лишенный возможности полноценной научной работы, он внутренне отгородился от советской действительности и стал сознательно, что называется «в стол» писать свои воспоминания о научном, литературном и театральном мире. «Как и всякие воспоминания, и мои, наверно, не свободны и от пристрастий и увлечений, но, не предназначая их для печати, я не подлаживался ни под чей вкус и ни на какую мерку, вводя в свое изложение и такие стороны быта, о которых говорить не принято, но без освещения которых многое останется неясным»⁷⁷.

Борис Васильевич тяжело переживал «советизацию» науки и образования — травлю в печати ученых «старой школы», массовые исчезновения и физическое уничтожение коллег и близких. В марте 1931 г. по обвинению в участии в подпольной «украинской контрреволюционной организации» был арестован старший сын Варнеке — историк, библиограф, востоковед, тогда аспирант отдела «Украиника» Одесской государственной библиотеки А.Б.Варнеке⁷⁸. Видимо, таким образом власти пытались воздействовать и на его отца, «взятого на карандаш» органами НКВД еще в 1931 г., с тем, чтобы он стал более покладист. Десять лет спустя, в интервью выходявшей при румынской оккупации «Одесской газете» Б.В.Варнеке вспоминал: «С коммунистами мне все время было не по пути. Меня они долго не признавали, и я был не у дел. До 1932 года мне даже не разрешали читать лекции. В конце 1932 года меня пригласили в университет и, как я потом узнал, установили за мной в стенах этого же университета негласный надзор. Два студента порознь стенографировали мои лекции и сдавали в спецотдел, где их сличали. Каждый из этих студентов думал, что записывал он один. Узурпаторы не доверяли даже своим студентам-коммунистам. Не секрет, что по всей стране была установлена такая тайная слежка — чуть ли не за каждым человеком. Особенно широко это практиковалось в партийных рядах. Партийные работники друг за другом следили и друг на друга доносили... Более двадцати лет коммунисты отравляли

⁷⁶ Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 14. Л. 17–20.

⁷⁷ Архив ГЦТМ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

⁷⁸ Варнеке Александр Борисович (24.07 (6.08) 1904, Казань — не ранее 1944), историк, этнограф, востоковед, библиограф. Старший сын Б.В.Варнеке. Действительный член Одесского филиала Всеукраинской научной ассоциации востоковедения, член ее тюркской комиссии (1929–1931). См.: ГАОО. Ф. 3-1593. Оп. 1. Д. 1400 (личное дело).

сознание народа нелепостями, от которых нужно освободиться. Особенно зловредному влиянию была подвергнута молодежь»⁷⁹.

Однако советская власть воздействовала на профессию не только кнутом, но и пряником — Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 января 1941 г. в ознаменовании 50-летия научно-педагогической деятельности профессору Б.В.Варнеке было присвоено звание заслуженного деятеля науки СССР⁸⁰. Ученый заслужил славу блестящего преподавателя, лекциями которого буквально заслушивались студенты многих одесских вузов: «Варнеке превосходно говорит и с первого слова увлекает аудиторию. <...> Забавно, что старик начинает говорить уже на пороге, не успев дойти до кафедры. <...> Однако воспринимать Варнеке не так легко. Это не привычная водичка, которую нам предлагает марксист и другие “педагоги”. Здесь каждое слово — драгоценный камень. И их так много, что сразу не выберешь более прекрасный из них», — записал в дневнике 15 и 22 февраля 1941 г. один из его слушателей в консерватории музыковед В.А.Швец⁸¹.

Список научных трудов Варнеке к 1940 г. насчитывал более 250 публикаций (не считая сотен газетных статей и библиографических заметок) по истории античного и русского театра, истории западноевропейской, русской и украинской литературы, истории искусств и археологии⁸².

С началом войны наступил наиболее трагический этап в жизни Варнеке. В 1941 г. Одесский университет был эвакуирован в Бердянск, затем в Ворошиловград, а впоследствии в Майкоп и, наконец, в 1942 г. — в райцентр Байрам-Али (Туркмения)⁸³. Находившийся в преклонном возрасте профессор Б.В.Варнеке эвакуироваться не смог или, скорее, не захотел. «Многих из нас, профессоров, коммунисты хотели увезти насильно, — говорил Варнеке в интервью «Одесской

⁷⁹ *Базаров П.* Смелее вести пропаганду. (Беседа с профессором Варнеке) // Одесская газета. 1941. 21 дек. № 19 (газетная вырезка в следственном деле Б.В.Варнеке: Архив УСБУ по Одесской обл.).

⁸⁰ Одесский университет... С. 58.

⁸¹ Цит. по: *Смирнов В.А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 169.

⁸² Неполный список трудов см.: Библиографический список научных трудов профессора Б.В.Варнеке. 1889–1924. XXV. Одесса, 1925. 16 с. (132 публикации за 1896–1925 гг.). В список не вошли материалы по научной хронике, рецензии и библиографические заметки из «Журнала Министерства народного просвещения», «Гермеса», «Русского филологического вестника» и «Исторического вестника», а также газетные статьи, опубликованные в прессе Москвы, Петербурга, Риги, Казани, Самары, Киева, Одессы, главным образом без подписи или под псевдонимами, статьи и заметки по вопросам театра, искусства, литературы, библиографии и городской хроники.

⁸³ Одесский университет... С. 69–70.

газете» в декабре 1941 г. — После пяти предложений эвакуироваться, за три дня до сдачи Одессы, ко мне пришла в шестой раз коммунистка с запиской, в которой стояло несколько знакомых мне фамилий профессоров. Нужно было явиться по указанному адресу и получить талоны на выезд.

— Куда Вы хотите нас везти? — спросил я ее.

— К рыбам. — Недвусмысленно ответила она мне.

Я принял это за шутку, но она серьезно подтвердила, что ведь в сущности ехать уже некуда, а в Одессе нас оставить нельзя.

Однако в последние дни большевикам было не до нас, и все мы к счастью остались здесь. Коммунисты бежали, взрывая город, а я засел за новую научную работу “О древней комедии”, которую кончил на днях»⁸⁴. Жена ученого, Е.С.Варнеке, добилась от оккупационных властей выдачи Варнеке академического пайка и оказания медицинской помощи.

28 октября 1941 г. в числе 72 профессоров, оставшихся в Одессе, Б.В.Варнеке стал участником депутации в примарию Одессы и встретился с генеральным секретарем городского муниципалитета Константином Видрашку для обсуждения вопроса о «сотрудничестве в общем деле по восстановлению культурной жизни города» и с просьбой об открытии высших и средних учебных заведений⁸⁵. Профессура пыталась организовать единый вуз, объединенный университет и политехникум, в котором предусматривался литературно-филологический факультет⁸⁶. Весной 1942 г. ректорат университета объявил регистрацию всех научных сотрудников, работавших в вузах, с представлением подтверждающих документов. Но из 16 одесских вузов, существовавших до войны, в период фашистской оккупации (с 17 октября 1941 г. по 10 апреля 1944 г.) действовал только один — Румынский королевский университет Транснистрии, торжественно открытый 7 декабря 1942 г. Варнеке был зачислен в штат румынского отделения историко-филологического факультета университета, где заведовал кафедрой классической филологии и древней истории, и с 1 февраля 1943 г. блестяще читал лекции по истории античной литературы⁸⁷. Его учеником по университету был будущий известный историк, эпиграфист, специалист по античной нумизматике Северного Причерноморья, профессор и заведующий кафедрой древнего мира Одесского государственного университета им. И.И.Мечникова,

⁸⁴ *Базаров П.* Указ. соч.

⁸⁵ Архив УСБУ по Одесской обл. Следственное дело Б.В.Варнеке. Л. 158 (газетная вырезка из «Одесской газеты», раздел «Хроника»).

⁸⁶ В университете // Одесская газета. 1941. 21 дек. № 19.

⁸⁷ *Смирнов В.А.* Указ. соч. Ч. 4. С. 113.

Петр Осипович Карышковский-Икар (1921–1988), оставшийся в оккупированной румынами Одессе.

С 23 октября 1942 г. группа работников университета, в том числе Б.В.Варнеке, по приглашению румынской Директории культуры совершила ознакомительную 4-х дневную экскурсию в Бухарест⁸⁸. Это обстоятельство позднее ставилось Варнеке в вину следователями НКВД. В начале 1944 г. Румынский университет был закрыт.

При университете оккупационными властями был создан пропагандистско-исследовательский Анткоммунистический институт или Институт анткоммунистических исследований и пропаганды, открытый в начале мая 1943 г. (с октября 1943 г. назывался Институт социальных наук). Постоянного штата сотрудников он не имел, так как скорее выполнял функции лектория при университете, куда вход был свободный. Лекции читались по средам преподавателями университета, журналистами, священнослужителями с оплатой 50 марок за лекцию. Чтобы повысить авторитет вновь созданного учреждения в глазах местного населения, при публикации объявления в одесских газетах о его открытии в числе членов института был назван и Б.В.Варнеке, хотя в следственном деле упомянуто о прочтении им лишь одной научной лекции об академике Ф.Е.Корше⁸⁹. Причины, побудившие ученого принять участие в лекционной работе с целью освобождения нового поколения соотечественников от гнетущего влияния коммунистической пропаганды, объяснены в интервью Б.В.Варнеке «Одесской газете» в декабре 1941 г.: «Мы заботимся об остеклении разбитых окон, а вот то, что наша молодежь осталась с душевными дырами, — это нас покамест не беспокоит... Я и мои коллеги с большой охотой выступают с лекциями... перед любой аудиторией... <...> Необходимо самое широкое освещение вопросов морали, личной и общественной, и особенно семейной. Хорошо поговорить и о чувстве национальной гордости. Нам, русским людям, есть чем гордиться. К сожалению, дореволюционная русская литература шла, главным образом, под флагом отрицания многих сторон нашей жизни и поэтому в основном была обличительной. В проводимых беседах и лекциях надо вспомнить все хорошее, что было в нашей дореволюционной жизни, и о всем этом рассказать теперешнему поколению»⁹⁰.

Постановлением губернатора Транснистрии Алексану от 2 июля 1943 г. № 2852 при университете было восстановлено закрытое советской властью в 1921 г. Одесское общество истории и древностей. На историко-филологическом факультете состоялось

⁸⁸ Там же. Ч. 1. С. 176.

⁸⁹ Там же. С. 166.

⁹⁰ *Базаров П.* Указ. соч.

организационное собрание ООИД, где присутствовало 22 человека, в том числе несколько бывших членов общества. Старейший член правления ООИД профессор Варнеке выступил «с обстоятельной и интересной информацией о прошлой деятельности общества». Вице-президентом был избран директор Археологического музея В.И.Селинов, секретарем — сын ученого, ассистент А.Б.Варнеке, при румынах директор Одесской городской библиотеки⁹¹. Но в условиях оккупации и войны общество практически бездействовало; формально оно просуществовало до 10 апреля 1944 г., когда Одессу освободила Красная Армия. 12 апреля советскими властями было принято решение о возобновлении занятий в Одесском государственном университете, в котором, по разрешению ректора, продолжил работу и Б.В.Варнеке.

Менее чем через месяц, 10 мая 1944 г. 70-летний профессор Б.В.Варнеке был арестован постановлением УНКВД по Одесской области по обвинению в измене Родине (ст. 54-1а УК УССР) как «агент итальянской разведки», «за деятельное участие в созданном румынскими захватчиками профашистском органе, так называемом Анткоммунистическом институте». Одновременно были арестованы другие ученые, читавшие лекции в институте: астроном, директор Одесской обсерватории, профессор университета, член-корреспондент АН СССР (с 1927) К.Д.Покровский; ученик Варнеке, доцент, а с 1942 г. профессор университета, директор Художественного училища (с 1 декабря 1942 г.), переименованного при румынах в Академию изящных искусств, организатор Курсов итальянской культуры Н.А.Соколов (благодаря ему художественные ценности из Одессы не были вывезены в Румынию); преподаватель географии Института инженеров мукомольной промышленности, член Правления Дома ученых и секретарь Анткоммунистического института С.Ф.Белодед.

Б.В.Варнеке категорически отверг вздорное обвинение в шпионской деятельности. В тюрьме он провел два месяца, так и не успев подписать требуемого в конце следствия «раскаяния в содеянных антисоветских преступлениях». Как обвиняемый в шпионаже, заключенный был этапирован в Киев, где с 27 июня находился на лечении в санчасти при областной тюрьме № 1 УНКВД по Киевской области. Не дожив до суда, состоявшегося 2 декабря 1944 г., 31 июля 1944 г. в 11 часов Варнеке скончался. 28 августа 1944 г. дело в отношении Б.В.Варнеке было прекращено за смертью, а 11 лет спустя, 29 ноября 1955 г., военный прокурор прекратил дело «за недоказанностью предъявленного обвинения». Б.В.Варнеке и все арестован-

⁹¹ Восстановление Одесского общества истории и древностей // Одесская газета. 1943. 5 сент. № 206. С. 4.

ные по тому же делу были реабилитированы посмертно на основании статьи 1 Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 г.⁹² Так трагически оборвалась жизнь одного из ярких представителей русской историко-филологической науки «старой школы».

ВОСПОМИНАНИЯ Б.В.ВАРНЕКЕ ОБ УЧИТЕЛЯХ И КОЛЛЕГАХ

В Архиве РАН в Петербурге сохранились рукописи двух мемуаров Б.В.Варнеке. Первые из них — «Старые филологи» — были написаны в 1932–1934 гг.; рукопись воспоминаний отложилась в фонде известного филолога-романиста, академика В.Ф.Шишмарева⁹³, с которым Варнеке связывала переписка научного характера⁹⁴. Первая часть воспоминаний ярко повествует о московском периоде его жизни — детстве и юности Варнеке, театральном мире Москвы, встречах с И.В.Цветаевым, академиками Ф.Е.Коршем, В.Ф.Миллером, учебе в классической гимназии у будущего министра народного просвещения А.Н.Шварца.

Вторая часть посвящена годам студенчества в Петербургском историко-филологическом институте (1894–1898) у вице-президента Петербургской АН П.В.Никитина и членов-корреспондентов АН Ф.Ф.Соколова, Ф.Ф.Зелинского, А.И.Малеина, о встречах с И.Ф.Анненским, Н.И.Кареевым, И.М.Гревсом, М.И.Ростовцевым, А.И.Введенским, Д.К.Петровым и другими. Так, в ПИФИ наибольшее влияние на Варнеке оказали занятия у историка русской литературы И.Н.Жданова и филолога-классика Ф.Ф.Соколова; 30-летию ученой деятельности последнего он посвятил статью «К вопросу об именах действующих лиц Плавта и Теренция»⁹⁵.

Третья часть воспоминаний повествует о стажировках Варнеке в немецких университетах — у Фр. Лео, Эд. Шварца, К.Дильтея в

⁹² Справка Управления Службы безопасности Украины по Одесской обл. №10/26277–II от 24.09.1993 г. Ср.: *Смирнов В.А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 162–163, 168, 175.

⁹³ Шишмарев Владимир Федорович (1875–1957), филолог, историк западноевропейских литератур и языков, палеограф, текстолог, теоретик и историк музыки; доктор honoris causa университета в Монпелье (1946); член-корреспондент (1924), академик (1946) АН СССР; лауреат Ленинской премии (1957); заслуженный деятель науки Узбекской ССР (1945), директор ИМЛИ АН СССР (1944–1947).

⁹⁴ СПФ АРАН. Ф. 895. Оп. 1. Д. 182. Л. 1–5 (два письма Б.В.Варнеке от 19 октября 1930 г., 20 апреля 1938 г., из Одессы; сообщение о статье Я.Гординского «Украина и Италия» (1930); замечания к плану издания «Истории западных литератур», напечатанному ИРЛИ АН СССР).

⁹⁵ Оубл.: ЖМНП. 1906. № 10. Отд. 5. С. 445–459.

Гёттингене (1904), Ф.Студнички, Э.Бете и Т.Шрейбера в Лейпциге (1909), О.Россбах в Кёнигсберге (1914) и у других.

Мемуары Варнеке — важнейший источник информации об уровне развития и организации русской историко-филологической науки в эпоху ее наивысшего расцвета, а также кладезь неизвестных ранее сведений о жизни и деятельности выдающихся русских ученых. Автор дает оценку методике преподавания в вузах России дисциплин гуманитарного цикла и сравнивает ее с немецкой системой семинаров в университетах, причем не в пользу последней. Варнеке зачастую нелицеприятно и крайне субъективно характеризует научное творчество и личные качества своих коллег, например, И.М.Гревса, И.И.Холодняка, Ф.Ф.Зелинского, М.И.Ростовцева, затрагивает вопросы аттестации научных кадров в дореволюционной России, в частности, процедуру защиты магистерских и докторских диссертаций в университетах, внутреннюю жизнь вузов и научных обществ.

Одной из наиболее примечательных фигур воспоминаний Б.В.Варнеке об ученых является исследователь древностей Тавриды, отставной генерал-майор, вице-президент Одесского общества истории и древностей Александр Львович Бертье-Делагард. Рукопись мемуаров Варнеке о Бертье-Делагарде, написанных не ранее 1926 г., хранится в архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический» в Севастополе (Украина). Перед нами не просто традиционные воспоминания, а глубокая по содержанию статья с детальной характеристикой научного творчества старшего коллеги и его научно-организационной деятельности в Одесском обществе истории и древностей.

Инженер-строитель, историк, археолог Александр Львович Бертье-Делагард (Berthier de la Garde, 7.11.(26.10).1842, Севастополь — 26.2.1920, Ялта)⁹⁶ происходил из семьи обрусевших французских эмигрантов-роялистов. Его прадедом был живший в Провансе военный врач Иван Александр Генрих Бертье де ла Гард. Дед Александра Львовича, названный всеми отцовскими именами, воспитывался

⁹⁶ См. о нем.: *Спицын А.А.* Бертье-Делагард Александр Львович [1842–1920: Некролог] // Русский исторический журнал. 1921. Кн. 7. С. 230–231; *Маркевич А.И.* К судьбам коллекции древности и старины А.Л.Бертье-Делагарда // Известия Таврического общества археологии, истории и этнографии. 1928. Т. 2. С. 144–145; *Кропоткин В.В., Шелов Д.Б.* Памяти А.Л.Бертье-Делагарда // Советская археология. 1971. № 1. С. 140–142; *Избаиш Т.А.* А.Л.Бертье-Делагард: Последние годы жизни // Записки исторического факультета / Одесский национальный университет им. И.И.Мечникова. Одесса, 1996. Вып. 1: Историография и специальные исторические дисциплины. С. 117–125; *Она же.* Два патриарха // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию

в школе морских инженеров и в эпоху Великой Французской революции в 1789 г. перебрался в Россию, где в 1829 г. принял русское подданство. Отец ученого — морской офицер, потомственный дворянин Таврической губернии, мать, Вера Ивановна Колодеева, была родом из Черниговской губернии. Двойственность происхождения не мешала ученому быть горячим русским патриотом, с болью в сердце воспринимавшим все беды своей многострадальной родины.

А.Л.Бертъе-Делагард в 11-летнем возрасте в 1853 г. был послан отцом в Александровский сухопутный кадетский корпус в Брест-Литовск, который в годы Крымской войны был эвакуирован в Москву в Лефортово (1854), за хорошую учебу получил право отложить выпуск в офицеры для поступления в дополнительный класс. С этой целью юнкер был переведен на один год в Петербург, где учился в 3-м специальном классе Константиновского военного училища, который закончил в 1860 г. по 1 разряду и в службу вступил поручиком 16 июня 1860 г. в 53-й Волынский пехотный полк. В том же году А.Л.Бертъе-Делагард поступил в Николаевскую инженерную академию (20 августа 1860 г. — 30 марта 1861 г.), слушатели которой из-за недоразумений с начальством тут же были отчислены в полки⁹⁷. Прослужив два года в полку в Одессе, 5 декабря 1862 г. Бертъе-Делагард вновь поступил в ту же академию и завершил свое образование 20 октября 1864 г., окончив военный вуз по 1 разряду. Он был произведен в инженеры и назначен служить на юг России. Еще в молодости из-за неосторожности товарища при «академических работах» Бертъе-Делагард лишился глаза, что сформировало замкнутость характера и пристрастие к кабинетному времяпрепровождению. Позднее он сам признавался: «Я всю свою долгую жизнь провел в самых усиленных занятиях, за книгой»⁹⁸. Не-

кандидата исторических наук А.А.Формозова. СПб., 2004. С. 166–175 (публикация воспоминаний: *Линиченко И.А.* Патриарх кривоверия Александр Львович Бертъе-Делагард); *Она же.* Автобиография А.Л.Бертъе-Делагарда: Публикация источника // Записки историко-филологического общества им. А.Белецкого. Киев, 2003. Кн. 1. Вып. 4. С. 204–210; *Непомятый А.А.* Александр Львович Бертъе-Делагард: Библиографические штудии // Боспорские исследования. Вып. V. Симферополь; Керчь, 2004. С. 476–494; *Паромов Я.М.* Бертъе-Делагард Александр Львович // Большая российская энциклопедия. 2005. Т. 3. С. 409.

⁹⁷ АЦМТ. Фонд А.Л.Бертъе-Делагарда. Д. 64: Автобиографическая справка. Автограф С.Л.Белявской с правой рукой А.Л.Бертъе-Делагарда. Между 1918–1920 гг. 5 л. Опубл.: Автобиографическая справка А.Л.Бертъе-Делагарда / Публ. Л.Н. и Н.И.Храпуновых // *Бертъе-Делагард А.Л.* Автобиография. Избранные труды по нумизматике. Симферополь, 2009. С. 13.

⁹⁸ Там же.

сколько лет Бертъе провел в Херсоне в инженерных войсках, параллельно выполняя инженерные обязанности и на земской службе. Там он случайно познакомился с секретарем Одесского общества истории и древности Н.Н.Мурзакевичем⁹⁹, приехавшим в Херсон для реставрации могил «времен очаковских», и в 1873 г. своими руками «разобрал, очистил и исправил безвестно брошенную» могилу князя Г.А.Потемкина-Таврического. Это положило начало увлечению Бертъе-Делагарда вопросами истории и археологии Северного Причерноморья.

В 1874 г. инженер был переведен в родной Севастополь, где возводил береговые батареи, принял участие в русско-турецкой войне на Дунае. В 1874–1878 гг. Бертъе-Делагард участвовал в работах по укреплению и благоустройству сильно пострадавшего в Крымской войне Севастополя и его вновь открываемого торгового порта: «планировал город, одел его гранитными мостовыми», устраивал военные и городской приморский бульвары, открыл первый водопровод, участвовал в «возобновлении» Черноморского флота, построил части судостроительного адмиралтейства, корабельные стапели и так далее.

1 февраля 1880 г. А.Л.Бертъе-Делагард был зачислен в число штаб-офицеров Главного инженерного управления и прикомандирован к Севастопольской инженерной дистанции, где служил вплоть до своей отставки. В том же 1880 г., 26 марта он стал действительным членом ООИД. 30 августа 1881 г. Бертъе было присвоено звание полковника. «Заваленный работами по крепости, перестраивавшейся ввиду осложнений с Англией, по городскому устройству и судостроению... я кончил... расстройством здоровья, принявшим опасный характер из-за укуса бешеной собаки и лечения тогда только вводившимися прививками», — вспоминал Александр Львович¹⁰⁰. «Высочайшим приказом» от 26 июня 1887 г. А.Л.Бертъе-Делагард был уволен «по домашним обстоятельствам от службы генерал-майором с мундиром и пенсией»¹⁰¹. С 1887 г. он руководил частными инженерными

⁹⁹ Мурзакевич Николай Никифорович (1806–1883), историк, археолог, нумизмат, коллекционер документов и древностей; член-основатель (1839), секретарь (1839–1875), редактор «Записок» (Т. 1–12) и вице-президент (1875–1883) ООИД; действительный член МАО (1865), член-корреспондент РАО (1848), директор Ришельевского лицея (1853–1857), управляющий Одесским учебным округом (1854–1856). Автор мемуаров (Автобиография. СПб., 1889).

¹⁰⁰ Автобиографическая справка А.Л.Бертъе-Делагарда. С. 17.

¹⁰¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 17. Д. 2474: О увольнении от службы полковника Бертъе-де-ла-Гарди; Ф. 400. Оп. 172. Отд. 8. Ст. 3. Д. 363. Л. 10–14 (послужной список 1887 г.).

работами: строительством торговых портов, водопроводов и железных дорог в Новороссийском крае. «Благодаря своей инженерной репутации, — писал Бертье-Делагард в автобиографической справке, — я был приглашен заведовать большими и сложными работами, стоя во главе строения нескольких портов Черного моря; значительная часть Одесского, весь Ялтинский в два приема, Феодосийский и Ростовский — дела моей головы и рук»¹⁰².

После выхода в отставку Бертье-Делагард поселился в собственном доме в Ялте (ул. Аутская, д. 15), около которого заложил роскошный сад с редкими растениями. Здесь он «собрал обширную библиотеку по ботанике и садоводству», и, по воспоминаниям профессора И.А.Линниченко¹⁰³, стал «настоящим оракулом по вопросам акклиматизации растений на нашем юге» путем «многочисленных строго обдуманых опытов по разведению всевозможных растений», благодаря чему к нему за советами обращались и специалисты-ботаники, и садоводы-любители¹⁰⁴.

Александр Львович начал собирать книги, карты и изобразительные материалы о Крыме, этнографические, археологические и нумизматические коллекции, связанные с Новороссийским краем. Со временем Бертье-Делагард получил известность как автор трудов по исторической топографии Крыма, по истории и древностям Херсонеса, по античной нумизматике греческих колоний Северного Причерноморья (исследования о древних монетных системах и весе античных и средневековых монет, переработка атласа античных монет Северного Причерноморья П.О.Бурачкова и другое).

Превосходное общее образование было во многом результатом собственных усилий А.Л.Бертье-Делагарда. «Военный инженер по образованию, не пройдя строго научной школы в областях истории и археологии, совершенно самостоятельно стал на строго научно-критический путь, не впадая никогда в те увлечения, к которым всегда так склонны самоучки-дилетанты, коллекционеры, любители при-

¹⁰² АЦМТ. Фонд Бертье-Делагарда. Оп. 5. № 64. Л. 4; Опубл.: Автобиографическая справка А.Л. Бертье-Делагарда / Публ. Л.Н. и Н.И.Храпуновых // *Бертье-Делагард А.Л.* Автобиография. Избранные труды по нумизматике. С. 17.

¹⁰³ Линниченко Иван Андреевич (1857–1926), историк-славист, специалист по истории России и западных славян; магистр (1884), доктор (1894) русской истории; член-корреспондент ПАН (1900) и Краковской АН (1901). Экстраординарный (с 1895), ординарный профессор, заведующий кафедрой русской истории (1898), заслуженный ординарный профессор (1909–1920) НУ; профессор ВЖК в Одессе (1906–1917). Действительный член ТУАК (1892), ООИД (1895) и его секретарь (1903–1905).

¹⁰⁴ *Линниченко И.А.* Указ. соч. С. 170.

чудливых гипотез, научных филологических словопроизводств. А.Л. обладал редким критическим и археологическим чутьем, — вспоминал И.А.Линниченко. — Для каждой своей работы он долго и чрезвычайно тщательно собирал материал, критически его исследовал, сопоставлял отдельные данные и пускал их в дело только после самой строгой проверки. Он был врагом слепых и необоснованных гипотез, оттого его... выводы всегда обдуманы и строго научны. Он останавливался там, где чувствовал невозможность что-либо утверждать с достоверностью. <...> Он не знал à fond¹⁰⁵ классических языков, а без самостоятельного исследования по памятникам он не считал себя вправе писать ученых работ»¹⁰⁶. Именно этой научной позицией «фактопклонника», ученого-позитивиста, он был близок тому научному направлению, представителями которого были те ученые, о которых с такой теплотой пишет Б.В.Варнеке в своих воспоминаниях.

Редкая наблюдательность и археологическое чутье А.Л.Бертье-Делагарда сделали его незаменимым экспертом при определении подлинности артефактов. По словам И.А.Линниченко, «страстный поклонник старины, умевший говорить с нею и понимавший ее ответы, А.Л. не мог переносить небрежного к ней отношения»¹⁰⁷. Сам Бертье-Делагард проводил раскопки Херсонеса, некрополя Феодосии, исследовал святилище римского времени близ Ялты, по поручению Одесского общества истории и древностей он на личные средства провел исследование раннесредневекового могильника Сууксу в Крыму. В последние годы жизни Александр Львович занимался изучением Тмутараканского камня и историй его находки по архивным документам. Остались незаконченными его исследования о Судаке и памятниках Горного Крыма, для которых были подготовлены чертежи и планы.

Научные заслуги Бертье-Делагарда были отмечены его избранием в многочисленные научные общества. Он был вице-президентом (1899–1919) ООИД, членом-корреспондентом (1886), действительным членом (1906) МАО, действительным (1889) и почетным (1916) членом ТУАК, действительным членом РАО (1890), членом-корреспондентом Императорской Археологической комиссии (1893), председателем Ялтинского отделения Крымского горного клуба (1894–1913), председателем Ялтинского технического общества.

Престарелый А.Л.Бертье-Делагард тяжело переживал события революции и гражданской войны. 21 февраля 1918 г. Таврическая ученая архивная комиссия обратилась в Российскую Академию наук

¹⁰⁵ Основательно (*фр.*).

¹⁰⁶ *Линниченко И.А.* Указ. соч. С. 171–172.

¹⁰⁷ Там же. С. 172.

с просьбой привлечь внимание «к бедственному положению» ученого, «лишившегося всего своего достояния, и опасность, угрожающую его собраниям величайшей ценности. Пятидесятилетний упорный труд, выразившийся в инженерных сооружениях (Севастопольской крепости, Одесских, Ялтинских и Феодосийских портовых сооружениях и пр.), дал ему средства построить на свои сбережения дачу в Ялте, которая ныне отнята у него, и он остается без крова. Потеря этой дачи грозит в прямом смысле большим ущербом для русской науки, так как А.Л. положил в ней очень много трудов в деле акклиматизации многих растений и деревьев и достиг в этом отношении в высшей степени ценных результатов; у него имеется много растений, которых нет ни в Никитском Ботаническом саду и ни в одном из парков Южного берега Крыма.

Высоко просвещенный человек, А.Л. в течение своей жизни не шадил средств на приобретение книг, и библиотека его представляет богатое собрание свыше 20 тыс. названий, причем часть ее — сочинения о Крыме, ценность которого весьма высока. Кроме того, А.Л. собрал большую коллекцию карт Крыма, гравюр, портретов и т.д., касающихся Крыма.

Любя археологию и занимаясь ею свыше 40 лет, А.Л. не шадил средств на составление нумизматической, археологической и этнографической коллекции предметов, касающихся Тавриды, научная и материальная стоимость которых весьма велика.

Свыше 40 тысяч рублей пожертвовал А.Л. на труды и издания Одесского общества истории и древностей.

На жизненные потребности А.Л. оставил себе небольшую сумму, которой в настоящее время лишился, как лишился и своей дачи в Ялте, и остался нищим в прямом смысле этих слов, так как и коллекциям его грозит реквизиция. С 16 ноября истекшего года А.Л.Бертье-Делагарду пошел 76-й год. Он еще бодр, продолжает ученые труды, но последние события удручают его до крайности, а лишение собраний, которые он предполагал пожертвовать ученым учреждениям и частью продать, убьет его.

Крайне необходимо спасти дачу и все собранные Александром Львовичем сокровища, имеющие государственное значение, ходатайствовать о признании дачи А.Л. заповедным имением и об оставлении ее в пожизненном его владении, необходимо немедленно возбудить ходатайство об изъятии всех собраний А.Л.-ча, имеющих большое научное и государственное значение, от реквизиции.

ТУАК полагает, что самым авторитетным и действительным было бы возбудить в указанном смысле ходатайство РАН, почетным членом которой состоит А.Л. и многим членам которой близко

знакомы его собрания, равно как и все его заслуги для русской науки. Ходатайство это необходимо возбудить немедленно перед комиссарами (министрами) просвещения и финансов. Часть собраний Александра Львовича, именно его нумизматические и археологические (золото) коллекции находятся на хранении в настоящее время в 1-м Симферопольском обществе взаимного кредита. Реквизиция ценностей, находящихся в банках, уже здесь началась. Необходимо спешить. Каждый день, каждый час дорог.

Старания Академии наук о сохранении за ним пожизненно его дачи и спасении его собраний будут поистине большим подвигом ее и продлят дни А.Л., сделавшего так много для России и русской науки и ищущего теперь куса хлеба».

Непременный секретарь РАН академик С.Ф.Ольденбург доложил, что «в виду срочности дела, согласно указанию г. президента, отношением от 9 марта / 24 февраля за № 386 возбуждено ходатайство перед народным комиссаром по просвещению о принятии мер к охране дачи А.Л.Бертье-Делагарда». Отделение историко-филологических наук РАН постановило дополнительно обратиться в Комиссариат финансов по этому вопросу¹⁰⁸.

К счастью, ходатайство ТУАК и РАН возымело действие, и реквизиции коллекций не произошло. Часть нумизматического собрания была передана собирателем в ООИД, другая продана частному лицу в Женеву; ювелирные изделия и торевтика «готского стиля» из Керчи в 1919 г. приобретены Британским музеем. Сохранилась и богатейшая библиотека о Крыме «Taurika», которая ныне хранится в Центральном музее Тавриды в Симферополе. Однако пережитые потрясения не прошли даром — 14 февраля 1920 г. А.Л.Бертье-Делагард скончался «от закупорки мозговых сосудов». Согласно параграфу 15 завещания археолога, составленному 19 декабря 1919 г., книги по истории Крыма предназначались Историческому музею в Москве (вместе с 50 тыс. рублей), Румянцевскому музею в Москве, ТУАК (вместе с 200 тыс. рублей), Академии наук в Петрограде (вместе с 100 тыс. рублей) и Таврической губернской земской управе. ООИД было завещано 200 тысяч рублей¹⁰⁹.

В жанре воспоминаний Варнеке попытался дать всестороннюю оценку не только деятельности Бертье-Делагарда в различных раз-

¹⁰⁸ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а (1918). Д. 165. Л. 376 об.–377. § 81 (4-е заседание ОИФН от 13 марта/28 февраля 1918 г.).

¹⁰⁹ АЦМТ. Фонд А.Л.Бертье-Делагарда. Д. 66; Катина В.К. Севастопольские владения семьи Горенко // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Симферополь, 2006. Вып. 4. С. 214–217.

делах науки — антиковедении, византистики, нумизматики, ботаники, охраны памятников Новороссийского края в целом и Тавриды в частности, но, прежде всего, охарактеризовать особенности его личного склада как человека и исследователя, которые во многом способствовали превращению Александра Львовича в выдающегося исследователя Тавриды и в одну из центральных фигур южнорусского археологического центра.

* * *

Воспоминания Б.В.Варнеке ярко характеризуют наиболее значимые фигуры отечественной историко-филологической школы в пору ее наивысшего расцвета на рубеже XIX–XX столетий. Мемуары написаны блестящим русским языком, каким умели писать деятели русской науки и культуры Серебряного века, и будут интересны всем, интересующимся русской наукой и культурой той эпохи.

Сокращения в тексте воспоминаний Варнеке, как и в письмах, цитируемых во вступительной статье и комментариях, раскрываются без скобок в случаях, не имеющих другого толкования. Пропущенные автором слова и конъектуры заключены в квадратные или круглые скобки; авторские подчеркивания выделены курсивом. Купюры в цитируемых документах отмечены знаками: ... и <...>.

Выражаю признательность коллегам — А.Н.Анфертьевой и Е.Ю.Басаргиной — за помощь в работе над текстом воспоминаний Б.В.Варнеке.

Б.В.Варнеке

А.Л.БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД¹

*Подготовка текста и комментария
И.В.Тункиной*

I

В изучении древностей Херсонеса одно из наиболее видных мест принадлежит Александру Львовичу Бертъе-Делагарду. Итоги своих многолетних изысканий он опубликовал в обширном труде «Раскопки Херсонеса» (СПб., 1893. 64 с., 4^о, с 7 таблицами и 2 политипажами)², изданном Археологической комиссией, по поручению которой была предпринята эта работа, составляющая 12[-й] выпуск серии изданий комиссии под заглавием «Материалы по археологии России».

Работа эта немедленно нашла оценку в статье профессора Н.П.Кондакова (ЖМНП. 1893. № 12. С. 388–396), который сам в 1873 г. изучал на месте древности Херсонеса. Начинает он свой отзыв указанием на приобретенную уже к тому времени А.Л. известность. «А.Л.Бертъе-Делагард пользуется весьма почетной известностью в русской археологической литературе, как автор крупных исследований в области Крыма и его истории. Его сочинение о древностях Инкермана³ показало в авторе не только искусного наблюдателя, но и строгого критика, которого появление в этой среде едва початых древностей Крыма христианской эпохи приветствовалось всеми компетентными людьми. Таковы же были дальнейшие работы автора по надписям, монетам и картографии берегов Черного моря.

¹ Текст публикуется по автографу Б.В.Варнеке, хранящемуся в архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь, Украина). Д. 269. Л. 1–77. На первом листе круглая печать с текстом: «РСФСР. Наркомпрос. Музейный отдел Главнауки. Херсонесский археологический музей и площадь раскопок».

² Точнее: *Бертъе-Делагард А.Л.* Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. Вып. 12: Древности Южной России. С. 1–64.

³ Имеется в виду исследование: *Бертъе-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14. Отд. 1. С. 166–279. (Отд. оттиск: Одесса, 1886. 144 с., II).

Б.В.Варнеке.
Карандашный портрет.
(Силуэты. 1924. № 5. С. 6)

Прибавим, что автор, будучи сам военным и специалистом-техником, севастопольский старожил и издавна на месте следит за древностями Крыма».

Переходя затем к оценке разбираемого труда, Н.П.Кондаков указывает, что в нем нашли исчерпывающее освещение итоги произведенных к тому времени на площади Херсонеса раскопок, что уже само по себе составляло неотложную задачу, тем более важную, что только этим путем представлялось возможным проверить и опровергнуть те легенды, которые к тому времени ходили в широких кругах насчет

древностей Херсонеса, затемняя и искажая действительное положение вещей. Их устранение на основании самого пристального рассмотрения всей литературы вопроса составило также одну из задач труда А.Л. Но, не ограничиваясь этим, он дал «мастерски начерченную общую характеристику древностей Херсонеса». Самое тщательное изучение на месте состава предметов, добытых раскопками в Херсонесе, привело А.Л. к непоколебимому выводу, что «Херсонес есть почти единственное место для находок предметов древности византийской», и рецензент, со своей стороны, всецело примыкает к этому взгляду (с. 391).

Отдавая должное неутомимому трудолюбию и тщательности исследования А.Л., рецензент особенно подробно отмечает и строгую научность приемов его исследования, что являлось тем более необходимым в виду положения А.Л., по своей предшествующей деятельности не принадлежавшего к числу записных ученых: «Везде анализ каждого вопроса [дает] такое же богатство известного ему материала, ясность и точность его группировки, как и полную определенность вывода и постановки предмета на своем, ему принадлежащем месте» (с. 393). Общий вывод рецензии таков: «Мы находим значение этого трактата капитальным и не только по избранному для него вопросу о древностях Херсонеса, но и вообще для русской археологии» (с. 396).

Такая высокая оценка книги со стороны к тому времени уже общепризнанного мастера научной археологии обусловлена была в

значительной степени тем, что А.Л. в своем труде дал разрешение не только частных вопросов, связанных с древностями Херсонеса, но и поставил несколько общих задач, привлекавших тогда особое к себе внимание со стороны работников в области истории искусства. Так много места уделив по необходимости вопросу о времени сооружения открытой графом А.С.Уваровым⁴ церкви⁵ и решительно возражая против отнесения ее к 4 веку, в чем он нашел полную поддержку со стороны и Н.П.Кондакова (с. 395), незадолго перед этим также пришедшего к выводу, что «лучший строительный период и, по-видимому, наиболее блестящее время Херсонеса приходится на VII–IX века», и что все базилики «относятся ко времени после Константина Великого» (Русские древности. СПб., 1891. Вып. 4. С. 15)⁶, А.Л., естественно, был вовлечен в обсуждение такого сложного вопроса, каким являлось тогда происхождение базилики. И здесь глубина и основательность практического знакомства с условиями зодчества дали А.Л. возможность высказать немало остроумных соображений насчет назначения этого типа зданий и условия его сооружения и украшения. Исходя из совершенно правильного положения, что основа работы херсонесских мастеров получит научную оценку только после того, как будет установлено место, откуда брали они строительный материал, А.Л. путем тщательных изысканий установил, что «все капители и колонны происходят в Херсонесе из ломок древнего Проконнеса на Пропонтиде. Отсюда сходство в этом отношении Херсонеса с Равенной». Это достигнуто путем самого мелочного, тщательного изучения всего соответственного материала, какой доставляла ему «богатая памятниками Равенна» (с. 390).

В те годы вопрос о географическом распространении влияния византийского искусства был еще далеко не изучен, и желание поста-

⁴ Уваров Алексей Сергеевич (1825–1884), граф, археолог, коллекционер древностей, меценат, организатор науки; член-корреспондент (1856), почетный член ПАН (1857); член-основатель и управляющий Русским отделением РАО (1857–1859); создатель и первый председатель МАО (1864–1884), организатор первых всероссийских археологических съездов (1869–1884) и РИМ в Москве (1883).

⁵ Речь идет об украшенной мозаиками так называемой Уваровской базилике, открытой лейтенантом флота Шемякиным в 1851 г. и исследованной гр. А.С.Уваровым в 1853 г., впоследствии исследованной К.К.Косцюшко-Валожиничем, Р.Х.Лёпером и В.А.Кутайсовым. См. подробнее: *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 525–529.

⁶ Речь идет о кн.: *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. В 6 вып. Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1892. 176 с.: ил.

вить изучение херсонесских памятников на сравнительно историческую почву заставило А.Л. далеко выйти за непосредственные пределы поставленной им задачи и, так сказать, мимоходом не пожалеть труда и времени на изучение равнинских древностей, что снова привело его работу к гораздо более широким вопросам из области истории искусства, причем и здесь А.Л. свое исследование перенес «из темной области эстетических ощущений и безграничной сферы эстетических суждений в сферу точно определенную», что вызвало особое сочувствие Н.П.Кондакова.

С его отзывом вполне совпало суждение об этой работе А.Л. другого знатока южнорусских древностей, академика В.В.Латышева, представившего ее на соискание одной из наград Русскому археологическому обществу (напечатан в его «Записках». 1896. Т. 8. Приложение; перепечатан в: *Pontica*. С. 371–375⁷), причем В.В.Латышев особенно выделяет «прекрасное исследование о купели, в которой будто бы крестился Владимир».

Автор третьего, столь же похвального, отзыва об этом труде, напечатанного на страницах органа Московского археологического общества «Археологические известия и заметки» (1894. № 1. С. 27–29) закончил его вполне справедливым замечанием, что «труд этот не последнее слово о Херсонесе, так как раскопка городища и его могил далеко еще не кончены». Это прекрасно сознавал и сам А.Л., в том же самом 1893 г., в особом исследовании разобравший «Надпись времени императора Зинона в связи с отрывками из истории Херсониса» (ЗООИД. 1893. Т. XVI. Отд. 1. С. 45–88⁸), представляющую, однако, так много спорного материала, что и последующие исследователи далеко еще не пришли к единомыслию насчет всяких возбуждаемых ею вопросов (ср.: *С.П.Шестаков*⁹. Памятники христи-

анского Херсонеса. М., 1908. Вып. 3. С. 95–103 и 142¹⁰). Тем не менее, частные наблюдения А.Л. и в этой работе, особенно по нумизматике Херсонеса, прочно вошли в обиход науки (ср.: *В.Латышев*. *Pontica*. С. 323–324¹¹). С некоторыми замечаниями А.Л. насчет времени этой надписи согласился и такой знаток южнорусских надписей, как В.В.Латышев (*Ibid.* С. 205)¹².

В 1907 г. А.Л. снова посвятил Херсонесу исследование на страницах «Известий» бывшей Археологической комиссии (Вып. 21¹³), снабдив его несколькими приложениями, из которых одно (с. 177–207) посвятил вопросу «О древнейшем Херсонесе по Страбону и раскопкам». Об этом А.Л. делал доклад в 1907 г. в заседании Отделения классической и византийской археологии Русского археологического общества (см.: *Протоколы общих собраний*. 1915. С. 387¹⁴). Уже самая постановка этого вопроса вводила автора в область чисто филологических разысканий, касающихся писательской манеры Страбона. Для надлежащего разрешения таких задач А.Л. не хватало надлежащей подготовки, и потому эта часть его работы вызвала основательные возражения со стороны ученого, прекрасно знакомого с особенностями приемов греческих историков, Э.Р. фон Штерна (см. его обширное возражение «О местоположении древнего Херсонеса» Т. XXVIII. Приложение. С. 89–131¹⁵, представляющее необходимую поправку к домыслам и предположениям А.Л.).

Зато совершенно в своей области оказывался он, избирая для своих работ исследование монет Херсонеса. Такова его статья: «Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса» (1906. Т. XXVI. Отд. 1. С. 215–276), где он после общих замечаний о том, как «редки вообще все монеты Херсонеса, кроме византийских», не только дает исчерпывающее описание их отдельных экземпляров как из своей

⁷ Точнее: *Латышев В.В.* [Рецензия] // ЗРАО НС. 1894. Т. 8. Вып. 1–2. Прил. С. XLV–XLIX. Рец. на кн.: *Бертъе-Делагард А.Л.* Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. Вып. 12. Переиздано: *Латышев В.В.* *Pontica*: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909. С. 371–375.

⁸ В дальнейшем изложении это издание обозначается только римской цифрой тома и арабской страницы. *Примеч. Б.В.Варнеке*

⁹ Шестаков Сергей Петрович (1864–1940), филолог-классик, историк античности, византист; член-корреспондент ПАН (1916). Выпускник классического отделения ИФФ КазУ (1886), профессорский стипендиат кафедры греческого языка и словесности (1886–1890), приват-доцент (1890–1900), экстраординарный (1900–1902), ординарный (1902–1912), заслуженный ординарный профессор (1915–1917) греческого языка и литературы кафедры классической филологии и археологии, декан ИФФ (1912–1917) КазУ.

¹⁰ Точнее: *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. М., 1908. (Памятники христианского Херсонеса; вып. 3).

¹¹ Точнее: *Латышев В.В.* Эпиграфические этюды. IX. Херсонисский почетный декрет // *Pontica*: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909. С. 323–324.

¹² Точнее: *Латышев В.В.* К надписи Евпатерия // *Pontica*. С. 205.

¹³ Точнее: *Бертъе-Делагард А.Л.* О Херсонесе: Крестообразный храм. Крещальня. Крепостная ограда // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 1–207. (Отд. от-тиск: СПб., 1907. 207 с.).

¹⁴ *Протоколы общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899–1908 годы*. Пг., 1915. С. 387.

¹⁵ Точнее: *Штерн Э.Р.* О местоположении древнего Херсонеса: по поводу исследования А.Л.Бертъе-Делагарда «О Херсонесе», 1907. Одесса, 1908. 43 с. То же: ЗООИД. 1910. Т. 28. Прил. С. 89–131.

собственной коллекции, так и из других собраний, но и решает общие вопросы херсонесского монетного дела и весовой системы этого города (с. 226–248) на почве общей истории и этого города, и всей Тавриды (с. 260–269), участия в ее судьбах Митридата и т.п. Благодаря такой постановке исследования, эта работа А.Л. дала гораздо больше, чем заставляет предполагать ее заглавие, затрагивая очень существенные стороны методологии нумизматических исследований и расходясь в этой области не только со своими отечественными предшественниками, [такими] как Бурачков или Кёне, но оспаривая даже основные приемы Моммзена (с. 227). В том же году в «Записках Нумизматического отделения Русского археологического общества» (Т. 1) он рассмотрел монограммы на монетах Херсонеса¹⁶. Как живо его занимали древности Херсонеса, видно из доклада его Одесскому обществу 9 марта 1905 г. о «Случайных находках древностей близ Ялты» (напечатано: 1907. Т. XXVII. Протоколы. С. 19–27). В горах под Ялтой А.Л. нашел около 1500 монет, среди которых 30% пришлось на долю херсонесских, и глиняные фигурки. Считая это за остатки «лесного святилища какого-то варварского народа», А.Л. делает догадки о пределах владений Херсонеса и его отношениях к Ай-Тодору, где незадолго перед этим была найдена римская крепость. При отсутствии всяких следов зданий, догадка о «святилище» более чем шатка, но разбор монетных находок весьма любопытен.

Одновременно с этими работами А.Л. продолжал живо интересоваться и храмами Херсонеса, и в заседании Одесского общества истории и древностей 30 января 1903 г. был заслушан присланный им доклад «По поводу последних раскопок в Херсонесе» (напечатано: 1906. Т. XXVI. Протоколы. С. 3–8), касающийся открытого за год до этого крестообразного храма с колодцем, изученного им на месте и относимого им ко времени Юстиниана I. Отрицая связь его с первыми веками нашей эры, катакомбами и могилами мучеников, А.Л. признает, однако, за ним «самый высокий интерес».

Эти частные наблюдения вплотную подводили А.Л. к вопросу об истории христианства в Крыму, и в 1910 г. ему он посвящает обширное исследование с подзаголовком «Мнимое тысячелетие» (Т. XXVIII. С. 1–108¹⁷), сопровождаемое двумя таблицами. Построено оно по далеко не обычному плану и полно своеобразных приемов

¹⁶ Точнее: *Бертъе-Делагард А.Л.* Значение монограмм и на монетах Херсонеса // Записки Нумизматического отделения РАО. 1906. Т. 1. Вып. 1. С. 50–79. (Отд. оттиск: СПб., 1906. 29 с., [2]).

¹⁷ Точнее: *Бертъе-Делагард А.Л.* К истории христианства в Крыму: Мнимое тысячелетие // ЗООИД. 1910. Т. 28. Отд. 1. С. 1–108. (Отд. оттиск: Одесса, 1909. 113 с.).

изложения. Начинается оно с личных воспоминаний о Георгиевском балаклавском монастыре, с которым связаны самые далекие и яркие воспоминания его собственного детства, восходящее еще ко времени до Крымской войны. Затем разбираются все «вымыслы», распространяемые насчет этой обители (с. 4–38). Им противопоставляется «действительность» (с. 39–71) и, наконец, в приложениях приведены в подлиннике 43 извлечения из разных, посвященных монастырю статей, напечатанных частью в редчайших изданиях из собственного собрания А.Л. Главное достоинство этой статьи, помимо обычной для работ А.Л. полноты литературы из ряда даже самых редких провинциальных газет и брошюр, — блестящая, остроумная и меткая характеристика старинных исследователей Крыма. Она показывает, что А.Л. более чем кто-либо другой, мог блестяще написать историографию Крыма и приходится очень жалеть, что страсть разбирать самые мелочные вопросы помешали ему осуществить эту задачу.

Для своего исследования А.Л., кроме топографического и археологического материала, берет данные из области иконографии, изучает подлинные документы из архива Синода (с. 11), и однако у читателя возникает невольная мысль, стоит ли тратить все эти усилия для опровержения жалкого замысла какого-то невежественного игумена, едва ли когда-нибудь предполагавшего, что его писаниям будет оказана такая честь. Наполняя 108 страниц ученым материалом для опровержения явного вздора, не значит ли даром тратить свои силы? Отчасти из-за этого эта работа А.Л. напоминает и по выбору темы, и по отношению к ней некоторые исторические справки Лескова, которого заставляет вспоминать местами и язык А.Л., на этот раз живой, сочный, напоминающий устное его изложение в докладах обществу и в частных беседах, где он всегда проявлял себя большим мастером слова, особенно, если содержание задевало его за живое, касаясь вопросов, мимо которых А.Л. не способен был проходить равнодушно. Есть и в этой статье такие, особенно близкие его сердцу вопросы, например, о херсонесских церквях (с. 53) и о пещерных церквях (с. 31), коснуться которых между прочим заставило его вновь случайное открытие весной 1908 г. пещеры с маленькой церковью внутри (с. 96), план и чертеж которой он тут же опубликовал.

Пещерным сооружениям Крыма была посвящена первая археологическая работа А.Л. «Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма», появившаяся в 1886 г. (Т. XIV. С. 166–279) и сразу же составившая ему в ученой среде славу редкого знатока крымских древностей. Под ней есть пометка: «Продолжение будет», прямого продолжения этой работы, однако,

не появилось, потому ли, что новые задачи заставили А.Л. отодвинуть их всестороннему изучению, не оставляя времени для завершения отложенного в сторону труда, или потому, что действительно в позднейших трудах часто возвращался к темам, очень близким к содержанию его первенца. Уже здесь он намечает вполне определенно свою любимую мысль: воздавая должное трудолюбию «кабинетных изысканий», А.Л. настаивает, что только «подробная съемка открывает незамеченные никем подробности, имеющие самое существенное значение». Чтобы их открыть, «надо заняться настоящим счерчиванием, измерением углов, линий, нанесением всего на бумагу», что приводит к новой проверке (с. 167). После этих вводных замечаний А.Л. дает описание инкерманской долины (с. 170 сл.) и крепости (с. 179 сл.). Постановка вопроса о том, кто ее строил, турки или татары (с. 187), переводит исследование в область истории Крыма и, в частности, о направлении торговых путей через Инкерман и Балаклаву (с. 194). В свою очередь изучение пещерных церквей (с. 208 сл.) приводит к рассмотрению вопроса о значении Херсонеса для окрестных мест (с. 210). Довольно причудливый ход мысли, переплетавшей историческое изложение с описанием самих памятников и работ в них художника Струкова¹⁸, неожиданно закрепляет утверждение, что инкерманская церковь Св. Климента построена в XIV или в XV в. (с. 212), причем однако самое пребывание Климента в Инкермане признается невозможным (с. 217). Роспись одной из церквей масляной краской служит основанием отодвигать ее построение к XVII–XVIII вв. (с. 222). Разрозненные замечания по поводу отдельных пещерных сооружений завершается их общим подсчетом и разделением на группы (с. 245–246), но после этого автор опять впадает в частности, особенно пристально останавливаясь на Чоргунской башне (с. 249 сл.), от которой он переходит к следам древней стены между Инкерманом и Балаклавой (с. 252 сл.), что заставляет его коснуться плотины, которую, по Страбону, херсонессцы насыпали во время осады их города скифами, и этому рассказу Страбона отведено несколько страниц (с. 253–259), оканчивающихся попыткой доказать, что такого сооружения никогда в действительности не было и что только по незнанию военного дела исследователи вычитывали из Страбона то, чего на деле он вовсе не говорил (с. 264).

¹⁸ Струков Дмитрий Михайлович (1829–1899), архитектор, художник, реставратор; член-сотрудник РАО (1865), член-корреспондент МАО (1868). В 1868 по поручению МАО совершил поездку в Крым и на Кавказ для изучения древних церквей; на Политехнической выставке в Москве (1872) выставил несколько моделей древних храмов Крыма и Кавказа, за что был награжден золотой медалью Петербургской академии наук.

Таким образом, ясно, что уже в 1886 г. А.Л. в рамки первой своей статьи вложил почти все темы, к каким позже ему приходилось возвращаться в особых исследованиях. Очень часто на пространстве этой работы попадает обещание вернуться к тому или другому частному вопросу впоследствии. Большинство этих обещаний не исполнено, но это показывает, какое множество вопросов возникало попутно перед пытливым мышлением А.Л. Не желая сосредоточить свое внимание на чем-нибудь одном, автор поневоле перескакивает от одной задачи к другой, почему-то считая своим неотложным делом уличать во всяком промахе тех авторов, мимо ошибок которых он не может пройти молча. В этой работе такая участь выпадает на долю Струкова; между тем, если бы автор оставил его в покое, не только изложение его получило бы большую стройность и последовательность, но и не было бы существенное содержание работы заслонено теми мелочами, из-за которых зачастую ускользает не только от читателя, но, по-видимому, и от самого автора основная задача его работы. И в этой первой своей работе А.Л., как показано выше, видел большой вред для правильного изучения древностей Крыма в незнакомстве их исследователей с военным делом (с. 264). И этому он остался верен до последних своих работ, заполненных также соображениями из области военного дела.

Так, в 1909 г. А.Л. напечатал новое обширное исследование «Как Владимир осаждал Корсунь» (Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1909. Т. XIV. № 1. С. 241–307). Здесь он снова возвращается к вопросам, уже не раз обсужденным им же самим в его работах по Херсонесу; пересмотр их вызван появлением трудов академика А.А.Шахматова и Голубинского¹⁹, профессора С.П.Шестакова²⁰. С ними он спорит отчасти путем толкования ле-

¹⁹ Голубинский Евгений Евстигнеевич (1834–1912), специалист по истории русских и южнославянских церквей, историк славянских культур; магистр (1859), доктор богословия (1881); член-корреспондент по ряряду историко-политических наук ИФО (1882), ординарный академик по ОРЯС ПАН (1903); экстраординарный (1870–1882), ординарный (1882–1886), заслуженный ординарный профессор (1886–1895) кафедры истории русской церкви, помощник ректора (1884), почетный член (1898) МДА.

²⁰ См., например: *Голубинский Е.Е.* Обращение всей Руси в христианство Владимиром и совершенное утверждение в ней христианской веры при его преемниках // ЖМНП. 1877. № 3. С. 160–163; № 5. С. 26–47; *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. 126 с.; *Шестаков С.П.* К вопросу о месте крещения Св. Владимира: По поводу исследования акад. А.А.Шахматова. Казань, 1908. 21 с.; *Он же.* [Рецензия] // ЖМНП. 1908. № 1. С. 238–241. Рец. на кн.: *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906.

тописных текстов, отчасти на основании «военных» соображений из области стратегии и топографии. Помимо конечного вывода, что «летописцы сохранили нам не выдуманные сказки, а истинную, правдивую историю осады Корсуни», как всякая его работа, и эта полна отдельных наблюдений, например, что поход Владимира на Корсунь шел обычным греческим путем по Днепру (с. 246), какими стрелами пользовались для сообщения о подвозе корма (с. 268), причем А.Л. исходит из своих личных наблюдений над турецкими стрелами в башне древнего замка у Видина во время русско-турецкой войны. Для разрешения вопроса, какой именно вид земельных работ применялся под Корсуном (с. 260 сл.), помимо обильных ссылок на древних тактиков, дается схематический рисунок осады, сделанный со слов А.Л. (с. 267). Не остается без проверки и мнение В.З.Завитневича²¹, будто Корсунь изобиловал цистернами для воды (с. 274). Придя к выводу, что летописцы обнаружили «тонкое до мелочей знание местных условий», и что все подробности осады «записаны очевидцами, близко стоявшими у дела и хорошо его понимавшими» (с. 276), А.Л. считает нужным для большей ясности «вести осаду Корсуни в круговорот тогдашней политики» (с. 280), и это заставляет его затронуть основные вопросы южнорусской истории, изученные до него академиками Васильевским, Розеном, Успенским, Голубинским и др. Наиболее положительной стороной и этой работы является, помимо громадной начитанности автора, его стремление не пройти мимо ни одной мелочи и ввести ее в научный оборот. Другое дело — убедительность и незыблемость его выводов как этой статьи, так и всех вообще работ по Херсонесу. Как раз те самые стратегические и топографические наблюдения, какими он особенно дорожил, оказались несостоятельными²² при новейшем пересмотре²³.

²¹ Завитневич Владимир Зенонович (1853–1927), историк-славист, историограф, специалист по истории славянофильства; магистр (1883), доктор (1902) богословия; профессор кафедры русской гражданской истории КДА. Б.В.Варнеке имеет в виду его книгу: *Завитневич В.З.* Владимир Святой как политический деятель. Киев, 1888.

²² Гриневич Константин Эдуардович (1891–1970), археолог-антиковед, историк искусства, музеевед; доктор исторических наук (1944); член-сотрудник РАО (1916). Директор Керченского (1919–1921) и Херсонесского (1924–1927) музеев. В 1927 переехал в Москву, доцент МГУ, действительный член ИА РАН (1928). В 1932 г. репрессирован, сослан в Томск, с 1939 г. спецпереселенец. Заведующий кафедрой древней истории Томского университета (1940–1948), профессор Кабардинского пединститута (1948–1953), заведующий кафедрой древней истории и археологии ХГУ (1953–1966).

Речь идет об исследовании: *Гриневич К.Э.* Стены Херсонеса Таври-

Итак, литературная работа А.Л. почти постоянно вращалась вокруг Херсонеса, представляя собой нечто вроде спирали, постоянно возвращающейся к ранее пройденным путям и точкам. Несомненно, если бы внешние события не оборвали ее неожиданно, он еще не раз вернулся бы к Херсонесу. <Более чем вероятно, что в его бумагах, если только они сохранились, есть наброски не одной начатой работы в том же направлении>²⁴.

Вообще печатал А.Л. немного. Открывающий собой 54 выпуск «Известий Таврической ученой архивной комиссии» за 1918 г., изданный по случаю исполнившегося в 1917 г. семидесятилетия со дня рождения А.Л. (в 1842 г.) список его работ, состоит из 37 номеров²⁵. Сюда вошли работы и чисто технического характера (№№ 1, 2, 3, 4, 28, 29, 37), и по садоводству (4, 15), которому он отдавал очень много времени и средств, создав на своей ялтинской даче (по Аутской ул.) питомник, обильный редкими даже для богатейших садов Крыма растениями. Остальные посвящены нумизматике и Крыму. Здесь заслуживает особого внимания издание перевода, выполненного Н.Н.Пименовым, описания Черного моря и Татарики доминиканца Эмиддио Дортелли д'Асколи (Т. XXIV. С. 89–180)²⁶. На него обратил внимание еще раньше киевский профессор Н.П.Дашкевич²⁷. Это дало повод А.Л. вызвать новый перевод, снабдить его своим предисловием и примечаниями. Но под скромным названием последних скрываются целые исследования, которые гораздо удобнее было издать в виде самостоятельных ученых статей (С. 136–149, 152–154,

ческого. Ч. 1: Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса, открытые в 1899 г. Севастополь, 1926. 72 с.: 14 ил. (Херсонесский сборник; вып. 1).

²³ Профессор К.Э.Гриневич (см. предыдущий коммент.— *И.Т.*). Херсонесский сборник. 1926. Вып. 1. С. 50–51 и *passim*. (*Примеч. Б.В.Варнеке.* Приписка другой рукой: «С. 11. Ссылки на Гриневича не особенно важно»).

²⁴ Фраза, помещенная в угловые скобки, зачеркнута.

²⁵ Точнее: Список печатных трудов А.Л.Бертъе-Делагарда // ИТУАК. 1918. № 54. С. V–VI. См. также: *Непомнящий А.А.* История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII — начало XX века). Симферополь, 2001. С. 102–107 (с указанием на рукописи работ А.Л.Бертъе-Делагарда, в том числе неопубликованные, сохранившиеся в его личном фонде в Центральном музее Тавриды в Симферополе).

²⁶ См.: *Бертъе-Делагард А.Л.* [Предисловие и примечания к «Описанию Черного моря и Татарики» Э.Дортелли д'Асколи] // ЗООИД. 1902. Т. 24. Отд. 2. С. 91–93, 135–180. (Отд. оттиск: Одесса, 1902. III, 86 с.).

²⁷ Дашкевич Николай Павлович (1852–1908), историк литературы; магистр (1877), доктор истории всеобщей литературы *honoris causa* (1890); действительный член МАО (1899), действительный член и секретарь ИОНЛ; член-корреспондент (1902), ординарный академик по ОРЯС (1907) ПАН.

155–162, 175). Конечно, и им не чужда присущая всем его работам несколько своеобразная манера, принимающая порой причудливый характер, но по знанию литературы вопросов и по поразительному умению привлекать самый раскиданный материал, некоторые из этих примечаний принадлежат к числу удачнейших страниц, вышедших из-под пера А.Л. Таков, например, его разбор морского боя казаков с турками, вызванный неправильным, на его взгляд, переводом Н.П. Дашкевича одного места у д'Асколи (с. 136–149). Наверно, многие историки казачества и не подозревают, какое обилие материала зарыто здесь А.Л. под чересчур скромной оболочкой примечания.

Постоянная привычка А.Л. попутно затрагивать множество самых неожиданных вопросов и тем, откликаясь на необъятную, бывшую у него одного под руками, литературу, сделала положительно необходимым составление особого указателя вопросов, им затронутых; по одним заглавиям работ никак нельзя даже приблизительно догадаться, о чем именно говорит он в каждой из них. Последней печатной работой его по Крыму явилась сравнительно небольшая статья «Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде» (Т. XXXII. 1914)²⁸. Это самый мелочный обзор названий деревень поселений южного побережья и расстояния между ними, снабженный цветной картой, изготовление и правка которой потребовало особенно много трудов. Синяя краска обозначает на ней поселения, где говорили по-татарски и по-гречески, а красная — только по-гречески. Из этих данных можно и после А.Л. вдумчивому историку сделать здесь много выводов, весьма важных для далеко еще не изученной истории заселения Крыма. Оканчивает автор указанием, что им намечены за этой первой частью еще две другие: 1) пределы православных и униатских епархий; 2) справки о Фуллах, где «разбор всех соображений, сделанный без всякой предвзятой мысли» возвращает к положению «о бытии Фулл на месте Чуфут-Кале», при этом А.Л. ссылается на болезнь, будто бы помешавшую ему приготовить тогда же к печати эти части своей работы.

Но гораздо больше болезни помешала этому война, во время которой она печаталась, заставшая А.Л. совершенно врасплох на отдыхе вместе с его другом профессором И.А. Линниченко в излюбленном последним Наугейме²⁹, откуда им приходилось бежать до Варшавы

²⁸ Точнее: *Бертъе-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ЗООИД. 1915. Т. 32. Отд. 1. С. 229–256. (Отд. оттиск: Одесса, 1914. 30 с., I.)

²⁹ Бад Наугейм или Наугейм (Naueheim), популярный в начале XX в. у русских немецкий курорт в Гессен-Дармштадте, севернее Франкфурта-на-Майне.

в условиях, в корень подорвавших жизнерадостное настроение А.Л., до войны ему неизменно свойственное. До войны, пока печатались статьи А.Л., он постоянно закидывал своих заграничных поставщиков, книгопродавцев Лейпцига и Генуи, чуть ли не ежедневными требованиями новых книг и брошюр. Теперь это стало невозможно, и непривычка работать иначе оборвала нить исследования.

Но не один старый Крым заставлял А.Л. братья за перо: беседы с тем же другом И.А. Линниченко, знатоком Пушкина, о котором они неделями говорили и спорили на ялтинской даче при участии не меньшего поклонника Пушкина Н.П. Кондакова, вызвали работу «Память о Пушкине в Гурзуфе», появившуюся в 1913 г. в составе XVII–XVIII выпуска академического издания «Пушкин и его современники»³⁰. Эта большая статья на 5 печатных листах обнаруживает в авторе одинакового любителя и историка Крыма во всех ее мелочах и садоводства: богатая растительность Гурзуфа давала для этого благоприятнейшую почву. По своей привычке и для этой работы А.Л. перевернул всю громадную литературу пушкиноведения и не удержался от споров насчет запутаннейших мелочей пушкинской хронологии (с. 29).

Пометка автора под статьей «Мнимое тысячелетие» показывает, как работал А.Л. Она начата в декабре 1897 г., и закончена через десять лет, в декабре же 1907 г. И она не представляет собой в этом отношении исключения. А.Л. обычно работал так медленно, никогда не считая свои выводы окончательно установленными, он продолжал все подбирать новые данные для их подтверждения, делая иногда для их проверки окольные отступления, заводившие его изложение подчас совсем в сторону от основного содержания статьи. Вот почему редактору «Записок» общества порой приходилось самовольно подписывать к печати статьи А.Л., когда он все еще требовал себе в Ялту новых корректур, возвращающихся подчас в совершенно не похожем на первоначальный план статьи виде.

II

Кроме Херсонеса, куда постоянно возвращалась мысль А.Л. на протяжении почти всей его литературной работы, у него было другое излюбленное детище — это Музей Одесского общества истории и древностей.

Вскоре после русско-турецкой войны, вызвавшей участие А.Л. в составе инженерных войск на Дунае, он вышел в отставку и, по-

³⁰ Точнее: *Бертъе-Делагард А.Л.* Память о Пушкине в Гурзуфе // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1913. Вып. 17–18. С. 77–155. (Отд. оттиск: СПб., 1913. 79 с., [2]).

селившись в Одессе, сблизился с деятелями общества и заполнил свой досуг изучением Музея и особенно его монетного собрания. Первоначально прямого участия в делах общества он не принимал, и в 1884 г. на Одесском археологическом съезде, куда он прибыл из Севастополя, где тогда жил, еще никакого доклада не делал, и даже во время поездки членов съезда в Крым после его закрытия не принимал руководящего участия. Через несколько лет, однако, войдя, видимо, ближе в круг нужд и интересов Музея, А.Л. стал неустанно пополнять его своими пожертвованиями, прежде всего из числа своих собственных находок.

Так, в начале девяностых годов правительство поручило ему отстроить и расширить Феодосийскую гавань; для возведения мола и укрепления набережной явилась необходимость в сложных земляных работах; для добывания земли для них пришлось разрыть холм на окраине города. И А.Л. этим воспользовался для научных целей, поручив рабочим тщательно отбирать каждый черепок и осколок, что дало целую гору остатков культуры, начиная с древнегреческих ваз и кончая восточной и византийской посудой XV в. нашей эры. Тщательно очистив их и рассортировав, А.Л. пожертвовал все это собрание музею, где оно заполнило особый «Феодосийский шкаф» и послужило материалом для ценного исследования профессора Э.Р. фон Штерна «Феодосия и ее керамика», составившего III выпуск изданий музея (Одесса, 1906; см. С. 2)³¹. Из Феодосии же им пожертвован в Общество 27 ноября 1895 г. кусок византийской ткани XVI в. с изображением Пантократора (Т. XIX. Протоколы. С. 32), представляющий большую редкость. Также поступал он неизменно и со всеми своими последующими находками. Сверх того, свои весьма значительные средства он тратил очень охотно на скупку древностей, значительную часть своих приобретений из года в год передавая в собственность общества, поэтому почти каждый протокол его заседаний включает в себе и указание на пожертвованные А.Л. предметы древностей (Т. XX. Протоколы. С. 9, 34, 65, 75; Т. XXI. Протоколы. С. 6, 16; Т. XXIII. Протоколы. С. 2, 66, 79, 134; Т. XXIV. Протоколы. С. 27, 51; Т. XXV. Протоколы. С. 46, 66, 77, 116; Т. XXVII. Протоколы. С. 15 и т.д.). Подчас список поступивших от него к одному заседанию вещей заполняет печатную страницу и представляет собой значительную ценность. Так, например, к 323 заседанию 28 января 1900 г. он пожертвовал целый подбор ваз из Ольвии в 28 номеров, определяемый в сумму 800 руб. (Т. XXIII.

³¹ Точнее: *Штерн Э.Р.* Феодосия и ее керамика (Theodosia und seine Keramik). Одесса, 1906. (Музей Имп. Одесского общества истории и древностей; вып. 3).

С. 2). Не подлежит сомнению, что если перевести на деньги все, что пожертвовал А.Л. для музея общества, то ценность их превысит несколько десятков тысяч; еще выше их научная ценность, зависевшая от строгого подбора вещей всегда редких и примечательных в научном отношении. Во всяком случае, общество за все свое многолетнее существование второго такого усердного вкладчика не находило, да немного было их и у других ученых обществ, работающих даже в столицах, гораздо более богатых чуткими к запросам науки и искусства деятелями.

В свою очередь и общество постаралось не остаться в долгу перед А.Л. Избрав его своим почетным членом, оно 23 декабря 1896 г., в 301 своем заседании, заслушав о пожертвованных им и на этот раз многочисленных и редких вазах, монетах и планах, постановило, помимо очередной благодарности, поместить в музее портрет А.Л. Присущая ему скромность выразилась и в том, что от него не удалось добиться ничего, кроме обычной фотографии в самой простенькой раме. Когда потом не раз заходила речь о замене ее, если не масляным портретом руки видного художника, то хотя бы большой фотографией в подобающей раме, А.Л. резко заявлял, что это будет ему «одно сплошное уязвление». Не считая денег там, где они шли на надобности науки и на оплату труда даже самых скромных работников ее, А.Л. становился скуп и расчетлив, как только дело касалось малейшего расхода на его собственную личность; прятать ее и отодвигать возможно дальше от показа составляло его основную привычку. 30 апреля 1896 г. он был избран членом Совета общества (Т. XIX. Протоколы. С. 116).

23 января 1898 г. скончался вице-президент общества профессор В.Н.Юргевич³², несший это звание в течение 15 лет, и 22 января 1899 г. на его место был избран А.Л. (Т. XXIV. Протоколы. С. 104), затем неизбежно переизбиравшийся громадным большинством голосов, при всяком новом сроке (Т. XXV. С. 12; Т. XXVII. С. 2; Т. XXVIII. С. 9) вплоть до самого расформирования общества в 1920 г. Таким образом, А.Л. за все время существования общества исполнял эту

³² Юргевич Владислав Норбертович (1818–1898), антиковед, специалист по истории Древнего Рима и древностям Северного Причерноморья; магистр (1847), доктор римской словесности (1867); действительный (1885) и почетный (1891) член РАО; действительный член, секретарь (1875–1883), вице-президент (1883–1898) ООИД, действительный (1869) и почетный (1889) член МАО, профессор кафедры римской словесности Ришельевского лицея в Одессе (1858–1865), экстраординарный (1865–1867), ординарный (1867–1887) профессор, декан ИФФ (1868–1871) НУ.

должность значительно дольше всех своих 7 предшественников, начиная с А.С.Стурдзы³³.

По жертвованиями, однако, вовсе не исчерпывалось его участие в делах общества. Наоборот, он принимал с величайшей готовностью все наиболее сложные поручения Совета, всякий раз, когда обществу нужно было опереться на его громадную деловую опытность и, особенно, на умение изучать и снимать остатки древностей. Так, в мае 1900 г. он ездил в Аккерман для изучения местной крепости и находящихся там остатков старины (Т. XXIII. С. 65), летом 1901 г. изучал древние башни Феодосии и определял время их сооружения (Т. XXIV. С. 53). В 1902 г. снова ездил в Аккерман и изучал постановку охраны древностей в Старом Крыму (Т. XXV. Отд. II. С. 68), давал заключение о возобновлении старинной церкви в Судаке (Т. XXV. С. 79, 96). В сентябре 1905 г. он представил обширную записку о состоянии одной генуэзской башни в Судаке (Т. XXVII. С. 50–52) и т.д. Было бы слишком утомительно продолжать дальше этот список поручений общества, выполненных А.Л.: его место — в истории общества, если она когда-либо появится.

Не жалея своих средств и сил для общества, А.Л. также отзывчиво шел навстречу запросам отдельных ученых, обычно сам предлагая им свои услуги и справки. Так, после выхода «Сборника греческих надписей христианских времен из Южной России» академика В.В.Латышева³⁴ А.Л. немедленно прислал ему длинный ряд своих заметок и дополнений к изданным надписям, и тот признает за ними, «вследствие общеизвестного знакомства А.Л. с топографией и археологией Крыма», «большое значение для достижения наибольшей точности показаний, преимущественно топографических» и издал часть их в 1897 г. в XX томе «Записок» общества, так что первые десять печатных страниц статьи В.В.Латышева «Заметки к христианским надписям из Крыма» (с. 148–158³⁵) в сущности должны быть включены в список печатных работ самого А.Л. Уместно будет здесь привести начало его дополнения к надписи «Сборника» № 33: «До этой надписи я добирался, — пишет А.Л., — с опасностью жизни, при помощи лестниц и веревок. В таком положении списывание было не-

³³ Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854), чиновник, дипломат, религиозно-политический публицист. В 1821 г. поселился в Одессе; знакомый А.С.Пушкина. Член-основатель (1839), действительный член (1839) и первый вице-президент (1839–1842) ООИД.

³⁴ Речь идет о кн.: Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. С объяснениями В.В.Латышева. СПб., 1896. III. 143 с., [5].

³⁵ См.: Латышев В.В. Заметки к христианским надписям из Крыма: По сообщениям А.Л.Бертье-Делагарда // ЗООИД. 1897. Т. 20. Отд. 1. С. 149–162 (Отд. оттиск: Одесса, 1897. II, 14 с. Переиздано: Pontica. С. 268–278).

легко, однако два раза я его повторил, и думаю, что сделал верно» (с. 151). Из этих слов видно, как мало берег свои силы, и притом для чужой работы, А.Л. в те годы, когда ему давно уже перевалило за полвека, и какие усилия прилагал он для достижения наиболее точных наблюдений: иначе работать он не умел.

В 1903 г. А.Л. принимал деятельное участие в Комиссии по восстановлению ханского дворца в Бахчисарае, о чем и прислал в общество письмо, доложенное в годичном 355 заседании 14 ноября того же года (Т. XXVI. Протоколы. С. 104–106). Ему удалось установить три полосы в постройке этого здания, основными частями которого он считает мечеть и зал совета. Следы росписи заставляют его предполагать, что она была раньше далеко не такой кричащей, как теперь видимая. Что касается знаменитого фонтана, воспетого Пушкиным, то А.Л. настаивает, что он взят откуда-нибудь из внутренних покоев, составлен из двух разных кусков, причем все это приписывает, безусловно, русским, переделывавшим дворец ко дням приезда Екатерины.

В поисках за материалами по истории Крыма А.Л. использовал между прочим указание В.И.Григоровича³⁶, и по его следам в Военно-ученом архиве Главного штаба нашел и изучал множество картографических документов по Крыму, посвятив им обстоятельный доклад в заседании общества 15 марта 1896 г. (напечатан: 1896. Т. XIX. Протоколы. С. 63–67). Особое его внимание привлекают рукописные планы Крыма Екатерининское времени, а также записка француза Лафитт-Клаве³⁷, составленная в Константинополе 30 октября 1784 г. и имеющая первостепенную важность для первоначальной истории Одессы. А.Л. заказал точные копии с наиболее важных планов этого собрания с тем, чтобы и их передать Одесскому музею.

Постоянно покупая древности и для Одесского музея, и для своего частного собрания, А.Л. неминуемо должен был столкнуться с жад-

³⁶ Григорович Виктор Иванович (1815–1876), филолог, историк, один из основоположников русского славяноведения; действительный член МАО (1864). Профессор КазУ (1842–1864); преподавал в МУ (1848–1849), КазДА (1854–1856); занял кафедру славяноведения в НУ (1865–1876). Часть рукописей из своего собрания передал в дар НУ; основная коллекция была приобретена уже после смерти ученого Румянцевским музеем и теперь хранится в РГБ.

Имеется в виду исследование: Григорович В.И. Отчет о поездке в Петербург с 25 июня по 8 октября 1875 г., заключающий записку о пособиях к изучению южнорусской земли, находящихся в Военно-ученом архиве Главного штаба // ЗНУ. 1876. Т. 20. Ч. 2. С. 9–37. (Отд. оттиск: Одесса, 1876).

³⁷ Лафитт-Клаве, французский инженер, служивший у турок в эпоху русско-турецких войн времен Екатерины II.

ными до таких покупателей фабрикантами фальшивых древностей и, когда их работа в 90-х годах минувшего века достигла особо наглого расцвета, выступил на страницах «Записок» общества (Т. XIX. 1893. С. 27–68) со статьей о поддельных древностях³⁸. Откровенно сознается он, как часто самому ему приходилось попадаться и покупать вместо подлинных за высокую цену вещи, потом оказавшиеся фальшивыми (с. 31), но убеждался в этом он всегда сам, а не под влиянием какого-либо указания со стороны (с. 34). Эта мелочь очень ценна для определения той, ни перед чем не останавливавшейся пытливости А.Л., с какой он всегда относился ко всякому попадавшему ему в руки предмету. Признавая почти полную неизбежность таких подделок, А.Л. плохо верит в успешность борьбы с ними законодательными средствами, однако придает этому злу тем больше значения, что «от чрезмерного распространения подделок, несомненно, понизится общее археологическое чутье» (с. 29): сличать и определять памятники старины будут не по настоящим вещам, а по поддельным. Поэтому он подробно описывает по родам наиболее характерные подделки, вышедшие из южнорусских мастерских, в составе которых он не без основания предполагал участие специалиста-эпиграфиста (с. 59), и особенно подробно останавливается на обзоре нашедшей тогда тиары Сайтафарна³⁹ (с. 56–61). Предварительное ее издание привело его к убеждению в ее подделке, и в том же окончательно убедило его непосредственное ее рассмотрение в Париже (с. 66–68) уже после того, как статья была подписана им к печати. А.Л. отмечает, что больше всего подделок среди монет (с. 40). Это замечание А.Л. зависит только от того, что монеты ему особенно хорошо были известны. Самое ценное в этой статье — это его откровенный рассказ про то, как сам он путем повторного рассматривания убеждался, и не раз, в том, что стал жертвой ловкого обмана. Из этого горького опыта выводит он несколько общих советов, которые следовало бы постоянно иметь в виду всякому, кому приходится определять старинные вещи (с. 34): его 4 правила, конечно, далеко не исчерпывают всех необходимых мер предосторожности, но упускать из них нельзя ни одного.

³⁸ Речь идет о статье: *Бертъе-Делагард А.Л.* Подделка греческих древностей на юге России // ЗООИД. 1896. Т. 19. С. 27–68.

³⁹ Речь идет о знаменитой подделке конца XIX в. — золотой тиаре царя Сайтафарна, якобы найденной крестьянами с. Парутино в составе клада на месте древней Ольвии. Тиара была приобретена Лувром за 100 000 франков в апреле 1896 г. Она была изготовлена одесским ювелиром И.Х.Рахумовским по заказу братьев Гохманов и разоблачена как подделка лишь в 1903 г.

Эта статья А.Л. и по задачам своим, и кругу предметов, из которых вышли его наблюдения, очень близко подходит к известному докладу Э.Р. фон Штерна на Рижском археологическом съезде 1896 г. «О подделке предметов классической древности на юге России» (ЖМНП. 1896. № 12. С. 129–159)⁴⁰, где также много места уделено короне Сайтафарна (с. 147 сл.). Если можно по разному думать о взаимоотношении этих двух работ долголетних сотрудников, то не подлежит ни малейшему сомнению, что на стороне А.Л. оказывается безусловное преимущество по полноте и точности наблюдений над чисто технической стороной памятников.

Признает А.Л. (с. 62), что особенно трудно определить признаки поддельности для золотых вещей — другие металлы фабриканты будто бы не считали, к счастью, достойными своей обработки. Однако в этой-то как раз области он заслуженно считался первым знатоком.

В начале войны один бессарабский помещик собирался пожертвовать в Музей общества набор золотых вещей, и через одного из членов общества передал их мне, но я решительно отказался решить в ту или другую сторону вопрос об их подлинности, но в то же время отказался и представить их обществу как античные. Вполне основательно не доверяя мне, жертвователь переслал их к А.Л. в Ялту, и тот, безусловно, высказался против их подлинности. Тогда их повезли в Эрмитаж, но его ученые сотрудники заявили, что «после Бертъе им смотреть вещи нечего: лучше его никто не определит».

Очень высоко ценили глаз А.Л. и одесские продавцы древностей, проделки которых он насквозь видел и нисколько не стеснялся открыто им в глаза высказывать свои обвинения. Зато они находили удовлетворение в щедрости А.Л.: по их словам, за вещь, заинтересовавшую его, он всегда готов был заплатить дорого, только бы не упустить ее из круга своих изучений.

А.Л. бесспорно был самый крупный собиратель древностей Крыма и Черноморья. И вспоминая его облик, приемы его собиратель-

⁴⁰ См. также: *Штерн Э.Р.* О подделке классических древностей на юге России // Труды X Археологического съезда в Риге, 1896. М., 1900. Т. 3: Протоколы. С. 50. Табл. 1; *Он же.* О новом способе фальсификации в мраморе и серебре // ЗООИД. 1906. Т. 26. Отд. 6. С. 55–59.

⁴¹ Сулакадзев Александр Иванович (1771–1832), петербургский коллекционер книг, рукописей и «диковин», фальсификатор многочисленных исторических источников в виде подделок, главным образом славянских памятников письменности и русских рукописей XVIII в. Наиболее полная библиография о нем: *Ревзин Л.Я.* Бессмертный Сулакадзев // Русская литература. 1979. № 3. С. 44–52; *Рукописи, которых не было* / Под ред. А.Л.Топоркова. М.: Ладомир, 2002. 970 с.

ства, в каждой подробности его отношения к этой страсти видишь, как высоко подымался он над теми завзятыми «антикварами» начала и середины XIX века, образ одного из которых, А.И.Сулакадзева⁴¹, так ярко восстановил Д.Д.Языков⁴² (Русский вестник. 1898. № 7. С. 237 сл.). Это преимущество сводить только к одному времени приходится менее всего, потому что и в наши дни таких Сулакадзевых нетрудно найти в любом городе: поэтому личной заслугой А.Л. является его полная свобода от столь вредных для науки замашек этих не менее его усердных собирателей.

Жертвует так много в общество, А.Л. и у себя оставлял особенно дорогие ему предметы. Почти всякая его покупка или находка сперва оставалась у него дома, и он месяцами перебирал ее и любовался ею, подвергая изучению со всех сторон и показывая Н.П.Кондакову, если тот бывал в Ялте. Только «насмотревшись досыта», отсылал он вещь в Одессу. Однако часть золотых вещей он желал до смерти удержать при себе. И это «собрание его сердца» было и велико по составу, и ценно даже помимо научного и художественного их значения. Тем более понятны его тревоги за судьбу этих вещей, когда в Ялте стало слишком тревожно. Эта судьба заботила не одного А.Л., а всякого, кто понимал их первостепенное значение. Тем более отрадно, что теперь, после всяких мытарств уже после смерти А.Л., эти вещи попали в достойное их хранилище: в Британский музей (Slavia. 1926. T. V. № 2. С. 398)⁴³. Благодаря этому они не только избежали столь нежелательного «распыления», но и стали предметом пристального изучения вполне подготовленных знатоков дела. На страницах западных органов по византиноведению уже начали появляться работы, посвященные научному истолкованию отдельных частей его собрания. Сам А.Л. издал описание только части монет своего собрания в 1912 г. (Сборник в честь Э.Р. фон Штерна. С. 39–54⁴⁴), причем едва ли случайно и здесь большая часть работы отведена монетам Херсонеса, причем целое исследование посвящено толкованию изображенного на 5 их экземплярах нагого воина (с. 43 сл.).

Понятно, что такой усердный вкладчик музея должен был заботиться и о самом его здании. Вкусам и желаниям А.Л. не отвечало

⁴² Языков Дмитрий Дмитриевич (1850–1918), библиограф, историк литературы, старший преподаватель русской литературы в Екатерининском и Александровском институтах (1882–1896) в Москве, заведующий библиотекой МУ (1896–1908).

⁴³ См. также: *Маркевич А.И.* К судьбам коллекции древности и старины А.Л.Бертъе-Делагарда // ИТУАК. 1928. Т. 2. С. 144–145.

⁴⁴ Точнее: *Бертъе-Делагард А.Л.* Монетные новости древних городов Тавриды // ЗООИД. 1912. Т. 30. С. 39–54. (Отд. оттиск: Одесса, 1912).

ни теперешнее помещение музея, ни его оборудование. Здесь ему во многом приходилось поневоле подчиняться обстоятельствам, но он только выжидал случая переделать все по своему, как только к тому явилась возможность.

После выезда из Одессы в 1911 г. профессора Э.Р. фон Штерна А.Л. явился главным вершителем судеб общества, так как должность президента носила лишь показной характер.

Выборы последнего президента общества были связаны с большими разномыслиями. Сам А.Л. и профессор М.Г.Попруженко хотели видеть на этом посту Н.П.Кондакова. Его мировая ученая слава, связь с Одесским университетом, крупнейшим профессором которого он был в лучшие годы его истории, и с самим обществом, в летописях которого он составил блестящую страницу своим классическим изданием его терракот (Т. XI)⁴⁵ и своими трудами по археологическому съезду⁴⁶, после которого общество сразу выросло из рамок провинциального собрания антикваров, делали эту кандидатуру бесспорной, если бы против нее не восстал с резким упорством профессор А.А.Павловский⁴⁷, питавший к своему предшественнику по кафедре чувства, увы, не редкие в университетской среде и прежнего времени. Заместитель А.Л. в Совете общества профессор Э.Р. фон Штерн эти чисто личные чувства профессора Павловского сумел перевести в область, так сказать, дипломатическую. Дело в том, что для Одессы времен генерала Толмачева⁴⁸ и по его указке набранной городской Думы никакое ученое имя не значило ровно ничего, а Дума, очень неудобная соседка музея общества, в доме которой он помещался, хотя и на своей земле, пыталась наложить на него свою лапу. Нужен был щит, Н.П.Кондаков по своей чистоплотности и прямоте быть им не мог и не хотел. И фон Штерн очень точно учел пределы отваги генерала Толмачева и его соратников, и заслонил

⁴⁵ Речь идет о труде: *Кондаков Н. П.* Греческие терракотовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту // ЗООИД. 1879. Т. 11. Отд. 1. С. 75–179 (Отд. оттиск: Одесса, 1879).

⁴⁶ Речь идет о VI Археологическом съезде, состоявшемся в Одессе в 1884 г.

⁴⁷ Павловский Алексей Андреевич (1856–1913), историк искусства, доктор теории и истории искусств (1896); действительный член, член Совета и секретарь (1895–1899) ООИД, действительный член МАО (1897), приват-доцент кафедры теории и истории искусств ИФФ ПУ (1888–1891). Экстраординарный (1891–1897), ординарный (1897–1913) профессор, секретарь (1895–1896) и декан (1909–1912) ИФФ НУ.

⁴⁸ Толмачев Иван Николаевич, генерал-майор, временный Одесский генерал-губернатор (декабрь 1907 г. — декабрь 1908 г.), градоначальник Одессы (декабрь 1908 г. — ноябрь 1911 г.).

общество именем великого князя Александра Михайловича⁴⁹. А.Л. и большая часть членов Совета был против этого избрания, но, дорожа обществом и видя невыносимые для него тогда условия одесских взаимоотношений, скрепя сердце, пошел на него. Великий князь по Ай-Тодору был соседом А.Л. и не раз привлекал его для изучения своих монетных собраний. На этой почве он сумел использовать его влияние для нужд дорогого А.Л. музея. <Его помещение всегда возмущало вкус А.Л. и волновало своими противопожарными условиями>⁵⁰. Краткие встречи с президентом в 1913 г. А.Л. использовал для того, чтобы добиться от Думы согласия на бесплатный отвод земли под новое здание музея. Удалось найти и жертвователя, готового дать на его постройку 250 000 руб. Называя эту цифру, А.Л. загадочно улыбался и прибавлял: «Ну, кое-что и я еще от себя прикину». Всякий, кто знал щедрость А.Л. на нужды музея, при этом понимал, во что вырастет это «кое-что», когда от слов придется переходить к делу. Правильно боясь всевозможных препон, обычно вырастающих на дороге ко всякому хорошему и нужному делу, А.Л. все это дело о переносе музея на достойное ему место вел в строго частном порядке, не вынося из рамок бесед с ближайшими сотрудниками, но поторопился найти художника-архитектора, согласившегося даром составить проект здания. Мне поручил изучить немецкие музеи со стороны целесообразности их устройства и оборудования, на что и ушли мои летние поездки 1913 и 1914 г., когда выстрел в Сараеве помешал нам с ним съехаться в Вюрцбурге, как это было условлено весной. Мечтой его было окружить собрания музея наибольшим количеством света и всячески удалить ту влагу, от которой так страдали его вазы. Там собирався он расположить «по своему вкусу» и свои ялтинские собрания древностей и библиотеку, передав их в собственность общества. Затяжка мировой войны, а потом и мрачный ее поворот очень его угнетали, окрашивая его мысли в самые мрачные краски и доводя его порой до полной утраты душевного равновесия.

В музее общества А.Л. особенное внимание уделял его монетному собранию: пока он жил в Одессе, он ежедневно просиживал там целые часы, по многу раз перевешивая и перебирая каждую монету. То же самое делал он и при каждом своем приезде, вплоть до последнего, всегда забирая с собой в Ялту целую кучу заметок в самодельных записных книжках — готовых он не признавал, — восковых и

⁴⁹ Александр Михайлович (1866–1933), великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I; контр-адмирал, последний президент ООИД (с 31 января 1911), владелец имения Ай-Тодор в Крыму, коллекционер южнорусских древностей и монет.

⁵⁰ Фраза, помещенная в угловые скобки, зачеркнута.

сургучных отпечатков. И там на свободе среди своей богатейшей по нумизматике библиотеки продолжалась непрерывная работа над одесскими монетами, которые он сличал с монетами из собраний западных музеев, Эрмитажа и Х.Х.Гиля⁵¹ (см.: Т. XIX. Протоколы. С. 64). Основной задачей этих работ А.Л. над монетами Музея было составление их научного каталога. В 1888 г. он издал «Каталог карт, планам, чертежам и видам», хранящимся в Музее⁵², а затем приступил к собиранию материалов для Каталога монет, но работа эта, не останавливаемая им ни на минуту, затянулась на десятки лет из-за желания автора придать ей характер безусловного совершенства, для чего требовались бесконечные справки и переделки. Свойство ученой мысли А.Л. всегда в самом производстве работы плодило новые задачи и недоумения, до разрешения которых он не решался сказать окончательное слово. Дробя свое внимание на множество мелочей и частных, он никак не мог собрать воедино свои наблюдения. В одной из последних своих работ по нумизматике он заявляет, что появление новых описаний монет и открытие новых типов «вызывает пересмотр ранее описанного и иное его понимание» (Монетные новости древних городов Тавриды // Сборник в честь Э. Р. фон Штерна. Одесса, 1912. С. 39–54). В одном из своих писем он признается, что выход каждого нового номера «Zeitschrift für Numismatik» заставляет его переделывать весь свой каталог. Помимо печатной литературы, он пользовался для этой работы указаниями в частных письмах J.Friedländer⁵³, A.V.Sallet⁵⁴, J.P.Six⁵⁵ и других нумизматов Запада, не считая уже его русских друзей и корреспондентов.

Появление такого каталога, и возможно скорое, было, однако, совершенно необходимо не по одним только ученым соображениям: Э.Р. фон Штерн со свойственным ему знанием дела составил ката-

⁵¹ Гиль Христиан Христианович (1837–1908), нумизмат, специалист по античной и русской нумизматике; действительный член РАО (1881).

⁵² См.: *Б[ертъе]-Д[елагард] А.Л.* Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1888. VI, 59 с.

⁵³ Фридлиндер (Friedländer) Ю., немецкий нумизмат, специалист по античной нумизматике; совместно с А.Заллетом описал Минцкабинет Королевских музеев Берлина (1877).

⁵⁴ Заллет (Sallet) Альфред Фридрих Константин фон (1842–1897), немецкий нумизмат, директор Минцкабинета Королевских музеев в Берлине, автор исследований по истории и нумизматике царей Боспорского царства и описания античных монет музея.

⁵⁵ *Six J.P. Monnaies grecques inédites et incertaines // The Numismatic Chronicle. 1888. Т. 8. P. 97–137.*

логи по всем отделам музея⁵⁶, кроме христианских древностей и нумизматического. Первый выходил за круг его интересов, а второй он мог бы составить достаточно обстоятельно, но А.Л. при вступлении своем в должность вице-президента общества поставил решительным условием, чтобы составление каталога монет принадлежало исключительно ему. Он был очень недоволен даже тем, что Э.Р. часть греческих монет разложил в пакетики с соответственными надписями, правильность которых А.Л. оспаривал. Кроме него, в составе общества не было лиц, научно подготовленных для работ по нумизматике. Когда после переезда фон Штерна в Галле мне пришлось вступить в заведывание музеем, я обратил внимание на неудобства, вытекающие из отсутствия описей двух его отделов. Для христианского отдела А.Л. согласился поручить эту работу мне, и я ее, как умел, выполнил под руководством самого А.Л. и после сличения одесских вещей с древностями из музеев Киева и особенно Кракова, где нашел много близких вещей. Про опись монет А.Л. говорил, что ему остается лишь «малость подработать». И действительно, она была выполнена на отдельных листах, частью карандашом, хранившихся в Одесском музее, где внизу в комнате средней библиотеки у окна стоял личный стол А.Л. Ключ от него был у старшего служителя музея Ивана Глобенко; к нему питал А.Л. особое доверие, начиная с тех пор, когда Глобенко под его командой служил еще в войсках на Дунае. Ему А.Л. платил от себя ежемесячно сумму, превышавшую его жалование по музею, и за это он не только исполнял его личные поручения по Одессе в виде покупки семян для ялтинского сада, подписки на газеты и т.п., но и целый ряд заданий по музею в виде устройства слепков с монет, их взвешивания и т.п. Его А.Л. считал своим ближайшим помощником и, безусловно ему доверяя, чуть не ежемесячно высылал ему на отдельных восьмушках дополнения к рукописи описания монет. Глобенко их аккуратно подкладывал в особую папку желтого муара с инициалами А.Л. в золотом венке; там же хранилась и вся его переписка по делам общества. Видя непрерывный рост этих дополнений, можно было сомневаться в том, что А.Л. когда-нибудь и эту работу доведет до конца. Не раз Совет во дни приезда А.Л., зная его ревность к этому делу, обиняками указывал, что надо бы или уже издать рукопись в том виде, как она есть, или поручить такую работу кому-либо из иногородних нумизматов. И то, и другое одинаково раздражало А.Л.: он не понимал возможности издать хоть что-либо, насчет чего у него оставались сомнения, что же касается до поручения работы кому-либо другому, то считал, что

⁵⁶ См.: *Штерн Э.Р.* Краткий указатель музея Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1908.

справиться с такой ответственной задачей из русских ученых мог бы лишь А.В.Орешников⁵⁷, высоко им ценимый. Видно было, что такие напоминания о затянувшейся работе ему очень неприятны, и из-за этого он крайне подозрительно относился, когда кто-либо из ученых начинал работать над монетами музея, на что я всегда испрашивал письменное разрешение А.Л. Стоило немалых трудов добиться его для профессоров М.И.Догеля⁵⁸ и Е.Н.Щепкина⁵⁹.

В итоге еще задолго до того, как А.Л. из-за войны оказался отрезан от Одессы, у меня и других работников Музея оставалось убеждение, что едва ли А.Л. удастся закончить эту работу, но значение и ценность его рукописи было очень велико не только для местного музея: в ней отразились плоды многолетней настойчивой работы исключительного знатока. Если она действительно исчезла, как об этом приходилось слышать в 1925 г., то это невознагражденная потеря для русской нумизматики⁶⁰.

Не меньше приходилось бы жалеть, если бы пропала и другая многолетняя работа А.Л.; его собрание всего, что печаталось про Крым. Для этого А.Л. покупал не только все книги и брошюры, но платил от себя приличное жалование одному сотруднику «Одесского листка» за вырезку и пересылку ему из обменных экземпляров столичных и особенно провинциальных газет всего, что касалось Крыма и его древностей. В итоге набралось у него очень большое собрание весьма редких сведений⁶¹. И позволяло мне высказать мнение, что А.Л. свое-

⁵⁷ Орешников Алексей Васильевич (1855–1933), нумизмат, специалист по античной и русской нумизматике и сфрагистике; член-корреспондент АН СССР (1928), действительный член РАО (1886), член-корреспондент (1881), действительный член (1883), секретарь (1886–1887), член Редакционного комитета и редактор трудов МАО, член МНО и редактор его трудов.

⁵⁸ Догель Михаил Иванович (1865–1936), юрист, специалист по международному праву; магистр (1894), доктор международного права (1899), профессор КазУ (1900–1905).

⁵⁹ Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920), историк средневековья и нового времени, педагог, общественный деятель; магистр всеобщей истории (1902); приват-доцент кафедры всеобщей истории ИФФ МУ (1892–1897), НИФИ (1897–1898). Экстраординарный профессор ИФФ НУ (1898–1906). См.: Памяти Евгения Николаевича Щепкина (13.V.1860–12.XI.1920). Одесса, 1927.

⁶⁰ Рукопись под названием «Описание древних монет музея Одесского общества истории и древностей» (1918) в нескольких редакциях хранится в составе личного фонда А.Л.Бертъе-Делагарда в Центральном музее Тавриды (АЦМТ. Фонд А.Л.Бертъе-Делагарда. Д. 51–53. Кп. 22968–22970. Д. 8682–8684).

⁶¹ Библиотека сочинений о Крыме «Таурица» А.Л.Бертъе-Делагарда ныне хранится в Центральном музее Тавриды (Симферополь).

му Крыму оказал бы не меньшую пользу, если бы вместо некоторых исследований чересчур мелочного характера, дал общую картину его историографии: кроме него никто другой с этим не мог бы так справиться, и в этой области ему легче было бы, чем кому-либо другому, достичь желанной полноты. Теперь же им разработаны с мельчайшей тщательностью отдельные кусочки поля, остающегося совсем незаполненным. И в области историографии А.Л. менее вредила бы свойственная его мысли некоторая причудливость суждений, из-за чего теперь едва ли все его догадки и предположения, хотя бы об осаде Корсуни, войдут в науку как непреложное достояние.

Не подлежит сомнению, что человек, так строго глядевший на задачи печатной работы и работавший, по крайней мере, всю вторую половину жизни, не покладая рук, должен был оставить после себя много начатых, но не законченных работ. Если они уцелели, то хорошо бы увидеть в печати хоть их опись. Среди них должны быть и его воспоминания. Жизнь А.Л. была пестра, и по характеру его деятельности, и по разнообразию его встреч с людьми самых противоположных кругов и интересов. Беседы его, часто уклонявшиеся в сторону прошлого, были очень занимательны. Однажды секретарь общества профессор М.Г. Попруженко завел при нем речь о близких его сердцу славянах, о войне 1876–1877 г. и коснулся вопроса, почему русские не вошли тогда в Константинополь. А.Л., сам участник этой войны, ограничился тогда заявлением, что это было тогда невозможно: с Дуная, где он стоял, Австрия непременно напала бы на Россию, истощенную тогда во всех отношениях. К следующему своему приезду весной 1914 г. он привез большую тетрадь, видимо, начатую гораздо раньше, и после обсуждения дел общества и музея, прочел из нее отрывок, касавшийся его наблюдений над внутренней стороной этой войны и ее деятелями, начиная с главнокомандующего. Они были написаны очень свободно и смело, так что при тогдашних условиях печати и думать было нечего об их обнародовании. Много, как всегда под пером А.Л., получало очень своеобразную окраску: суждения его и на этот раз резко отклонялись от обычных отзывов и о людях, и о событиях. После чтения беседа затянулась очень долго, и не удалось спросить А.Л., с чего начинал он свои воспоминания. Но если ему удалось описать даже часть своей жизни, то в них, несомненно, оказался бы ярко отраженным образ большого человека, благодаря своей любознательности и трудолюбию, вышедшего из далекой от науки среды в ряды видных ее деятелей и своим бескорыстным служением изучению прошлого родного Юга, успевшего занять место, почетное в летописи изучения Крыма вообще и Херсонеса в частности.

SUMMARY
B. V. VARNEKE AND HIS MEMOIRES OF THE SCHOLARS
 by *I. V. Tunkina*
 (St.-Petersburg)

The article presents the first biography of the “forgotten” Russian Classicist, specialist in history of Classical and Russian theater Boris Vasilyevich Varneke (1874–1944), composed on the archival materials.

SUMMARY
A. L. BERTIER DE LA GARDE

For the first time it is published, as a supplement, an article of B. V. Varneke about A. L. Bertier de la Garde (1842–1920) — one of the most prominent scholar of the South-Russian archaeological centre of the late 19th — early 20th century.